

Сергей
Камов

РОДНЯ И ЗЕМЛЯКИ

Семейные мифы и предания

*Посвящаю светлой памяти
Комова Григория Григорьевича*

ЧАСТЬ 1. ПРИИРТЫШЬЕ

ПО ПЕСЧАНОЙ ДОРОГЕ

За селом – ветер гоняет волны по Бухтарме, а за Бухтармой – громадная хребтина Алтая с островками снега у вершин. Огромными мне казались в детстве и море, и горы. Мимо ярко-желтой россыпи куриной слепоты, мимо серых пыльных кустов полыни, мимо чабрецовых душистых трав идем мы со старшим братом с окраины села навстречу морю и горам в гости к родне, в двухэтажки. Идем по песчаной дороге. В моих сандалиях полно песка. Мягко и тепло ногам от земли родной. Чудно пахнет смешанным запахом чабреца и полыни, степными травами. Мне около пяти лет, а Вовке – уже одиннадцать. Веснушками густо усеяно худошавое лицо брата. У меня лицо куда шире, а веснушек меньше. Это у нас от матери. Я счастлив, что Вовка взял меня с собой. С ним не страшно. Не только потому, что у него в кармане пугач. И если он жахнет, то любая собака станет от нас убегать. Не страшно потому, что он мой старший брат, и никому меня в обиду не даст. Мама всегда ему наказывает, чтобы он без меня домой не возвращался, что головой за меня отвечает. Не очень-то ему хочется со мной возиться. А куда денешься? Так и идем с ним по песчаной дороге в сторону Бухтарминского моря, в сторону гор, в гости к родне.

А в двухэтажках много живет народу, целый городок. Пять благоустроенных многоквартирных домов. Иногда у двухэтажек – продают рыбу. Прямо во дворе стоит вкопанный в землю деревянный стол и лавочки. На столе лежат краснопереые, в густой чешуе окуни. Жирные коричневые лещи. А то и щука с судаком по королевски размещаются тут же. К вечеру, если никто не покупает улов, раздают это добро по соседям и начисто вытирают стол. Мужики усаживаются играть в домино. Весело тут. Кто еще в селе может позволить себе такое удовольствие? Разве что больные в нашей больнице. Еще было время, когда в двухэтажках продавали сахарные петушки на палочках, по десять копеек за штуку. Вкуснотища!

А чего стоит посмотреть на худющую бабушку Машинскую, что смолит «Беломор», папиросу за папиросой. Или на огромную дородную бабу Марусю Здор. Первая – казачьих корней, видать, много на своем веку пережила. И второй тоже немало досталось – с Китая вернулась с семейством. Вот бы с кем я сейчас поговорил. Много было ярких необычных судеб! Я не успел. Это было, когда я был маленький, а горы были огромными...

В двухэтажках живет отцова родня: старший брат дядя Саша и две сестры – тетя Надя и тетя Вера, и семеро моих старших двоюродных братьев и сестер. Больше всех мы любили тетю Надю, старшую сестру отца. Ее в детстве все младшие братья и сестры называли «нянькой», а тетя Вера так называет ее до сих пор. Старшего брата, дядю Сашу, сколько помню, вся родня звала Лёлей. Вроде как он крестным считался всем многочисленным племянникам. Я даже путался, когда к нему обращался, называя его «дядя Лёля», вполне серьезно считая, что это его второе имя. Мы с братом в первую очередь заходили к отцовой «няньке» – тете Наде. У нее всегда всякая выпечка – то стружки, то булочки сахарные, то шаньги с творогом и прочая вкуснотища. У тети Нади всегда в запасе конфетки для нас приготовлены. А то чебуреки или пироги стряпаются, шкворчат на сковородке, большие, как караси. Съел такой пирог, и ходи сытехонек. Или пирог со свежей рыбой завернет, в духовку поставит, корка зарумяненная. Пельменей налепит крупнющих, каждый с мой детский кулачишко будет. Вовка сразу заводил меня к родне, здоровался и убегал играть на улицу. Молодая тогда еще, полнолицая тетушка с порога начинала игривое приветствие:

– Сergy-стерьга, где ты был?

– На базаре пиву пил.

– Выпил рюмку, выпил две...

– Закружилось в голове.

– Так, значит, сегодня «пиву» пил?! – смеется быстрым разливчатым смехом тетушка. – А в прошлый раз «лимонад» пил. Значит, подрос уже.

Это был своеобразный обряд. Каждый раз тетя Надя спрашивала, а я отвечал – менялся только напиток, который я якобы выпивал на базаре: квас – на вино, пиво или даже на водку. Никого тетушка не встречала так, как меня, хотя тепло привечала всех. Я был сыном ее любимого брата Лени, самый младший во всем роду, после меня уже никого не было. Младшие мои двоюродные сестры Лена и Лиля жили в далекой Алма-Ате, к тому же девчонки не в счет – выйдут замуж и сменят фамилию. Я замыкал свою родную.

В каждой семье есть негласное деление – кому-то из родных мы отдаем предпочтение большее, кому-то меньшее. Так всю жизнь отец больше всех любил свою «няньку» Надежду и младшего брата Григория.

В то время тетя Надя жила с дядей Мишей Камбалиным. Их дочь, Наталья, на девять лет старше меня, училась в старших классах. Валера, сын тети Нади от первого брака, уже служил в армии, в Германии. Тетушка, несмотря на замужество, оставила себе свою родную фамилию и передала ее сыну. Валера у нас тоже был Комовым.

Сколько помню, Надежда Григорьевна держала котов одной серой масти. И звали всех одним и тем же именем – Тоша. Когда один кот доживал свою сытую жизнь до глубокой старости и уходил умирать в степь, тетя Надя, сердечно переживав кончину любимца, брала другого Тошку.

Несколько раз тетя Надя заводила свиней. Одна была запоминающаяся. Звали ее Марыся. Преданная была, как собака. Стоило выпустить ее из свинарника, она ходила за тетушкой по пятам. А когда эта Марыся загуляла, тетя привела ее за собой по нашей песчаной дороге на окраину, в гости к нашему кабану.

О дяде Мише Камбалине стоит сказать особо. Меня он любил и с рук не спускал. Это был человек среднего роста, осанистый, неунывающий, умеющий хорошо пошутить. Он резко выделялся на общем фоне сельчан тем, что до самых холодов носил шляпу, а на поясе в кожаных ножнах носил нож. Дядя Миша был потомственным казаком. Это был последний чистоярский казак, который до самых семидесятых годов внешне проявлял свою принадлежность к вольнице ношением холодного оружия. Чужие люди от него шарахались, побаиваясь его необычного вида, а односельчане знали его происхождение, которого он не скрывал. Раньше, до революции, у Камбалиных была заимка. Так и осталось название местности в полях – Камбалино. На семейных сходках больше всего он любил песню «Ой, вспомним, братцы, мы, кубанцы...» Именно такого, в шляпе и с ножом на поясе, я вылепил его из пластилина. Вместе с любимой тетушкой Надей, тоже слепленной из пластилина, они стояли на тумбе у телевизора в нашем доме на краю села. На вопросы гостей, частенько бывавших в нашем доме, я гордо отвечал про свою любимую родню: «Это дядька Мытька и тетя Надя». Почему я его так называл, до сих пор не пойму. Возможно, он сам так весело мне представился, или чудила тетушка, как она умела. Еще дядя Миша любил коней, был табунщиком, гонял совхозный косяк. И своего приемного сына Валерку научил любить коней, понимать их, при себе его держал помощником до самой армии. Но, к великому сожалению, и этот тетушкин брак оказался неудачным. Родня ее не осуждала, хотя хорошо знала непростой заносчивый характер Надежды Григорьевны. Не ладилось у нее в семье, частенько они ругались, не уступала тетушка мужу. И вскоре «дядя Мытька» уехал под Павлодар. Там он и нашел приют в далекой сырой земле. Говорят, что убили его за коня.

Теперь уже нет двухэтажек. Руины на их месте, будто Мамай прошел. Жутко ехать этим краем села. Сердцу надрывно. Нет и нашего дома на окраине. Только небольшая тополевая роща напоминает о том, что раньше там жили люди. Зализало суховеями, смыло дождями и нашу песчаную дорогу, по которой когда-то ходили мы с братом.

КОМОВЫ. ДЕД ГРИГОРИЙ

Для чего я ворошу свою память? Зачем я тревожу свою душу радостью и горечью воспоминаний? И, самое главное, для чего я это пишу? Живу надеждой, что я не зря долгие годы кропотливо собирал по крупицам семейные рассказы, былички, предания, этот драгоценный материал. Ведь если это не сделали до меня, то больше уже некому будет запечатлеть это семейное пространство, эту родственную связь. Ведь я последний в своем роду в своем поколении. Время течет стремительно, и большая часть тех, о ком я поведу речь, уже давно покинули этот мир. И кроме меня о них никто уже не расскажет.

Прежде всего, я начну с фамилии, носителем которой являюсь. В словаре В. И. Даля слово «ком» означает «что-либо смятое в кучку; рыхлый обломок, кус

ломоть; жемок, мятушка». В Интернете дополняют, что «комом» также называли узел или сверток. И следует пояснение, что прозвание «ком» могли дать тучному человеку или тому, кто ходил с узелком за плечами. Там же поясняют, что слово «ком» имело также значение «драчун, забияка». «Такое название мог получить задиристый мальчишка, всегда первый ввязывающийся в драку, или кулачный боец, не единожды побеждавший на народных состязаниях». Фамилии Комов решительно отказывают в положительных качествах. Это – неудачник («первый блин комом»). Это – рыхлый или растрепанный человек. Это – грубиян (загадка у Даля: «Прялка рогата, а топор комоват», означающая сварливую бабу и грубого мужика). Это – обжора... И только одно похвальное – усидчивый работник. Нечего сказать, хороший список! Несколько родственных фамилий тоже «хорошо» дополняют вышеперечисленное: Комухин (у Даля: комуха – лихорадка, трясся, гнетучка), Комшин и Комякин (драчун), Комыгин (скряга). При этом указывают двух знаменитых Комовых – Ивана Михайловича – агронома, написавшего книги по травосеянию, улучшению естественных лугов и пастбищ, и Олега Константиновича – скульптора (памятники Пушкину, Суворову, Рублеву и Венецианову). Там же, в Интернете, один из Комовых решительно опровергает все сказанное, разъясняя фамилию как название тотемного животного – кома, так в старину называли медведя. И поговорка, по его мнению, звучала иначе: «Первый блин – комам!» То есть – хозяину, владыке. Отсюда следует, что моя фамилия довольно простая, типа Зайцев или Волков, только зверь солиднее – Медведев. Завершается комментарий моего однофамильца или же далекого родственника (что не исключено) очень оптимистично – фамилию Комов «получали люди не простые, а особо уважаемые». Конечно же, последняя трактовка фамилии мне нравится больше. Мне не хочется впадать в крайности, ведь моя задача состоит в том, чтобы наиболее реально представить своих родных, какими они были в жизни. Сразу отмету из перечисленного, как совершенно несоответствующие действительности, – неудачника, растрепу, обжору и скрягу. Оставлю с некоторой натяжкой – задиру, грубияна и драчуна.

Хранительницей семейной памяти в моем роду была и остается Комова Надежда Григорьевна, моя любимая тетушка по отцовской линии. Ей уже восемьдесят четыре года. Большинство рассказов, касающихся моей фамилии и Чистого Яра, оставшегося на дне Бухтарминского водохранилища, я записывал именно с ее слов. Семейное предание о рождении моего деда она рассказала мне не так давно. Пересказываю с ее слов.

Светлым пасхальным утром 1910 года где-то под Новосибирском, в селе Покровка, богомольный люд расходился по домам после всенощной службы. И только в одном доме было не до праздника. Сразу два детских гробика вынесли во двор. Один за другим похоронили Комовы восьмерых детей, а тут, в Великий праздник, пришлось хоронить и оставшихся двоих. Катерина (в девичестве – Сошнева), мать умерших детей, убитая горем, стояла у ворот и смотрела в сторону церкви. Мимо проходил старичок и спросил: «Что же ты, молодка, горюешь, в церковь не идешь?» Рассказала она ему о своем горе. А он ей и говорит: «Помогу я тебе, только спрячь меня где-нибудь, чтобы люди не видели». Она его в бане и спрятала, в конце огорода. Шесть дней она его кормила, а он ее лечил от скорби. А на седьмой день пришла молодка поблагодарить старика, а того будто и вовсе не было. Как рукой сняло скорбную боль с материнского сердца – словно

и не было детских смертей. А через полтора года, 15 октября 1911 года родился в семье Комовых последний сын, единственный оставшийся в живых. Нарекли его Григорием. Так появился на свет мой дед – Комов Григорий Михайлович.

Рассказ тети Нади потряс меня. Ведь мой род мог прерваться еще тогда, два поколения назад. И не было бы моего отца, не было бы моей любимой тетушки и меня, и моих братьев и сестер, и моих детей. Не иначе как божественный промысел вмешивается в судьбу моего рода. Таинственный незнакомец, к тому же старик – а значит, умудренный опытом человек, и фигура в русском фольклоре особая, наделенная сверхъестественными свойствами, появляется на самом краю жизни и смерти, когда моя прабабушка совсем отчаялась. И рождение ребенка следует рассматривать как дар свыше, как знак божественного покровительства.

Следует добавить, что в нашем семейном календаре тех, кто родился в октябре, большинство: дед Григорий – 15, мой дядя Григорий Григорьевич – 17 октября, мой брат Володя – 18, сестра Наталья (дочь тети Нади) – 14, мой сын Дмитрий – 9 октября.

Мой дед Григорий умер в 64 года в Алма-Ате и был похоронен на старом кладбище у Ташкентской улицы.

В тот год мне исполнилось восемь лет. Я учился во втором классе, жил в красивом селе, на берегу огромного Бухтарминского водохранилища. И печаль этого события, коснувшись меня, обошла стороной, как дальняя зарница, сберегая мою душу для будущих грозных потрясений. Той осенью мой отец, вернувшись с похорон из далекой Алма-Аты, привез уйму гостинцев. Вкус алма-атинской халвы, которую мы со старшим братом Вовкой ели большими ложками из железных банок, я помню до сих пор. Так смерть деда, что жил вдалеке от нас, оставила в моей душе горечь печали, подслащенной незабываемым вкусом халвы.

ПЯТАК

Деда своего Григория я помню очень смутно. Жили они с бабушкой вдалеке от нас. И, возможно, в моей памяти о нем не осталось бы почти ничего, если бы не маленькая деталь, отчетливо запавшая в мою детскую память.

Когда мне было шесть лет, я напросился с отцом в Алма-Ату. Помню, с каким трудом мы добирались на автобусах с пересадками от Ново-Тимощевки до Самарки, а оттуда до железнодорожной станции Жангиз-Тобе. Я совершенно не переносил дорожной тряски, хотя старался держаться «молодцом», как обещал отцу перед дорогой. На станции в Жангиз-Тобе мы забрались в переполненный вагон. Оставив меня возле сумок, отец пошел по другим вагонам в поиске лежачих мест. В руке у него была авоська-сетка, из которой торчали хвосты и головы аппетитной вяленой и копченой рыбы. По тем временам это был дефицит. Благодаря нашей бухтарминской рыбке отец быстро договорился с проводником из соседнего вагона, и мы поехали на лежачих местах.

Дед мой, Григорий Михайлович, в то время работал столяром в детской исправительной колонии. Жили они с бабушкой в тесной однокомнатной квартирке, в бараке на Ташкентской улице. Над узким двориком возвышалась огромная, как мне тогда казалось, бетонная стена с колючей проволокой. По ту сторону стены и находилась колония. На улицу не выходило ни одного окна, так как за той сте-

ной барака жили соседи, Дариенко Николай с семьей. В узкой комнатухе стоял шифоньер и две кровати. Единственное окно спальни выходило внутрь этого крохотного дворика с видом на бетонную стену. И комната, и сам дворик были затенены деревьями. Даже в самую жару в дедовой комнатухе было прохладно, как в погребочке. Неистребимые муравьи вереницами таскали песчинки сахара с небогатого стола. В полумраке этого жилища, в его застоялом воздухе что-то угнетающе давило на меня. Теперь бы я определил это как семейный неуют.

«Деда Гриша», как я его тогда называл, запомнился мне невысоким худощавым человеком с грустным лицом и затаенными внутренними переживаниями. Родственники рассказывали, что у него был вспыльчивый, несдержанный характер, что, не разобравшись, он мог «наломать дров», был мнительным человеком, способным навоображать себе того, чего никогда не могло быть.

Вот как описывает своего отца тетя Надя: «Он был небольшого роста, белый, седоватого цвета волосы. Сам собой щупленький, сухой, забитый, ничего не видевший в жизни, тянул свою лямку. А до чего шубутной! Дрался, когда выпивал...»

Конфликтность его характера подогревалась неустроенностью жизни, разладом в семье, где, скорее всего, не было взаимопонимания. Также рассказывали и о другой черте его характера – порядочности, кристальной честности, искренней тяге к справедливости, выискиванию во всем и везде истины. Внешняя агрессивность характера при неподкупной честности переходила во внутреннюю борьбу с самим собой, которую дед частенько приглушал водкой. Еще одна немаловажная черта к портрету деда – до конца жизни он оставался человеком воинственно неверующим. Возможно, эта пустота и убивала его.

Меня же, своего внука и продолжателя своей пусть неизвестной, но честной фамилии, дед очень любил. В ту запомнившуюся мне поездку летом 1974 года дед брал меня за руку и водил по городу. Это был необыкновенный, удивительный город, в который я влюбился с первой встречи. Утопающая в зелени столица свешивала яблоки прямо через заборы, угощая прохожих. Огромные цветники пестрели на улицах и площадях. Помню большой цветочный портрет Ленина из живых цветов в парке Горького. Еще мне запомнилась огромная ветка тополя, которую сломал ветер, воткнутая в крышу частного дома и пробившая его насквозь. Спокойствие, умиротворение и радушная приветливость людей брежневской поры. В один из тех приятных запомнившихся мне дней мы с дедом оказались в зоопарке. Залюбовавшись грациозными лебедями, я утомился на солнце и захотел пить. Дед повел меня к автомату газоды. Вот он достал из кармана пятак и тщетно старается всунуть его в прорезь с надписью «с сиропом», в которую помещался только троячок. Между тем, за нами скопилось очередь, и кто-то разменял ветерану войны злополучный пятак. Сначала я выпил воду с сиропом, а потом стакан копейной воды без сиропа, поделившись недопитым с дедом. Интересно, а запомнился бы тому шестилетнему малышу случай с газводой, если бы вместо пятака оказался трояк?

Больше про деда Григория я ничего не помню. За умолчанием семейным чувствуется мне, что не все ладно было в отношениях дедушки и бабушки. Мне их искренне жаль. Расставаясь при жизни на долгие месяцы, они прекрасно обходились друг без друга. И могилы их находятся на расстоянии в тысячу верст одна от другой. Могила деда – в Алма-Ате. А бабушка, Анна Сергеевна, похоронена на своей родине в Восточном Казахстане на сельском кладбище в Ново-Тимофеевке.

С песчаного кладбищенского взгорка открывается потрясающий по красоте вид: проселочная дорога, бегущая к селу, барханы, простор Бухтарминского водохранилища и великолепие Алтайских гор. Вряд ли найдется в моем селе хоть один человек, который бы не знал, что там, на дне Бухтармы, когда-то были станицы, села, аулы, ведь большинство моих односельчан – коренные жители затопленного Прииртышья. Моя бабушка Анна Сергеевна родом из Чистого Яра, одной из станиц сибирского казачьего войска, которая тоже осталась под водой.

ЧИСТЫЙ ЯР

В поселок Чистый Яр, что находился в двухстах верстах от Усть-Каменогорска, мои родственники из Сибири перебрались после революции. Вместе с ними из-под Новосибирска переехали Нехорошевы, Сошневы, Бунеевы... Вряд ли эти фамилии имеют отношение к казачеству. Скорее всего, это те самые русаки, которых переселяли сюда после революции на казачьи земли. Бунеев Василий Егорович уточнил дату переезда родственников из Покровки – 1921 год.

Что же происходило в то время на Верхнем Иртыше? Опираясь на некоторые документы, я постараюсь хотя бы фрагментарно восстановить историческую картину того времени и кратко опишу историю возникновения некоторых прииртышских сел.

Станица Чистый Яр образовалась в 1876 году. Годом ранее в двадцати верстах выше по Иртышу была образована станица Баты. Ниже по Иртышу, верст через двадцать, – Малокрасноярка, также заселенная сибирскими казаками. Полковник Катанаев Г.Е. пишет: «В середине XIX века часть казаков Бийской линии по государственным соображениям велением Высшего Правительства была выселена во вновь образованные тогда казачьи поселения Призайсанского и Семиреченского края (Кокпекты, Сергиополь, Копал, Урджар и др.). В начале 1870-х годов выселение с этой линии было повторено. Из них по преимуществу образованы станицы Алтайская, Урыльская, Батинская, Чистоярская, Буконская, Зайсанская, Кендерлыкская». Дополнение из документов музея Усть-Каменогорска: «С городскими казаками служили на Иртышской линии и командируемые ежегодно команды Донских и Яицких казаков». В разных документах одни и те же населенные пункты обозначаются не всегда одинаково, как то: поселок Чистоярский или станица Чистый Яр. Лишь в послереволюционных документах заметно единодушие в названиях и полностью устранено слово «станция», как относящееся к казачьему быту.

В двух верстах от Чистого Яра, на другом берегу Сухой речки в урочище Сарабель в начале XX века появилось село, которому будет суждено соперничать с казачьей станицей всю свою жизнь. Называлось оно сначала Красивое, а позднее – Тимофеевка. Но с подачи чистоярцев в народе останется исконное название этой местности – Сарабель, сохранившееся еще с давних времен. А жители этого села будут упорно называть себя сарабельцами, хотя по документам село проходит в архивах как Красивое. Официальной датой появления села считают 1911 год. Время столыпинских реформ и массового переселения населения из европейской части империи в азиатскую. Красивым село назвали первые переселенцы – одиннадцать семей Кубанского казачьего войска. По версии Бутиной Веры Порфирьевны (в девичестве Галкиной) – в честь своей кубанской станицы, из которой они сюда приехали. А по версии Балахонова Павла Яковлевича (его

предки с Кубани, не казаки) – само место было красивым, так и назвали. Затем пришли в село переселенцы из восточной Украины и центральной России. К примеру, Тарабановы приехали с Харьковщины из-под Луганска.

После смерти красного командира Никиты Ивановича Тимофеева, погибшего 17 июля 1920 года, во время казачье-крестьянского восстания, село переименовали в Тимофеевку. А в 1924 году волость переименовывают в Тимофеевскую, с центром в поселке Баты.

24 января 1919 года окрепшая Советская власть издает документ, известный как постановление «О расказачивании», где учитывался «опыт года войны с казачеством» и предлагалось «признать правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления». Тут же «в спешном порядке» осуществлялось «массовое переселение бедноты на казачьи земли». А декрет от 19 апреля 1921 года гласил о возврате трудовому казахскому народу земель, отчужденных царским правительством в собственность сибирских казачьих войск.

В июле 1920-го вспыхивает восстание крестьян и казаков в селах и станицах Урлютюпская, Большенарымская, Малокрасноярская, Баты, Чистоярская, Солоновская, Самарское, Александровская и в городе Зырянске. В августе – в Алексеевке и Успенке. Восстание жестоко подавлено. В одном Зырянске расстреляно 250 человек.

В. А. Шулдяков в книге «Гибель Сибирского казачьего войска» приводит информационную сводку Семипалатинского губревкома от 31 октября 1920 года: «...Мужское население в селах Воронье, Черемшанка, Больше-Нарымское, Мало-Нарымское, Катон-Карагай, Урыль, Мало-Красноярское и Чистоярское совсем отсутствует, за исключением нескольких стариков и вернувшихся подростков. Все же остальные мужчины этих сел во время июльско-августовских восстаний присоединились к повстанцам. Затем при ликвидации восстаний часть из них была уничтожена, а остальные ушли в горы и некоторые за границу в Китай». Автор обращает особое внимание на то, что даже «через три месяца после ликвидации восстания казачье мужское население отсутствовало, в станицах оставалось по несколько человек стариков и подростков!..»

В конце 80-х, учась на филологическом факультете, я проходил фольклорную, а затем и диалектическую практику в родном селе. Параллельно я интересовался историей и судьбами моих односельчан. Свидетелей революционной поры к тому времени почти не осталось, но сохранились рассказы о громких фамилиях некоторых моих земляков. Многие казачьи фамилии были полностью уничтожены и забыты. Погибли чистоярцы Ельцовы и Гусевы, погибли выходцы станицы Красивой Ивахновы, батинскому казаку Ковригину срубили в бою голову, а он, уже мертвый, еще некоторое время держался в седле. В Китай ушли казаки из Красивого – Зыкины, Иванисовы, чистоярцы Вязигины, Столяровы и сотни других казачьих родов. Чистоярцу Юданову в этом плане больше повезло – у него были одни дочери, и фамилия растворилась среди других.

К периоду начала коллективизации Тимофеевская волость состояла из 15 сельсоветов, 89 населенных пунктов (хутора, коммуны, пасеки, поселки...). Население, пополненное пришлым людом, составляло 3369 хозяйств. Из них 2093 – русские, 1034 – украинцы, 111 – мордва, 46 – белорусы, 33 – казаки, 2 – немцы, 1 – татары, 49 – прочие.

На 1 января 1927 года поселок Тимофеевка (Красивое) составляли 157 хозяйств: 138 – русские, 14 – украинцы, 5 – мордва, 378 мужчин, 388 женщин.

Поселок Баты состоял на тот же срок из 230 хозяйств: 209 – русские, 17 – украинцы, 3 – казаки, 1 – прочие, 530 мужчин, 552 женщины.

Поселок Чистый Яр составляли 198 хозяйств: все – русские, 470 мужчин, 501 женщина. Казаки в последнем списке не значатся.

ПОЛЕТАЕВЫ

Порядком поредело в братоубийственную войну казачье население на Верхнем Иртыше. Мужчин не хватало, и женщины-казачки выходили замуж за переселенцев. Так, моя бабушка-казачка Полетаева Анна Сергеевна, 1907 года рождения, коренная уроженка станицы Чистый Яр, вышла замуж за моего деда Григория, приехавшего из-под Новосибирска. Она была старше деда на четыре года.

Полетаевы до революции жили в достатке, крепко стояли на своей земле. До великой смуты такую невесту, как Анна Сергеевна, каждый считал бы за честь привести в свой дом. Но в то время все перевернулось, и многие богатые невесты, чтобы скрыть свое происхождение, пытались «спрятаться» за фамилией мужа с простым происхождением. Даже порой фиктивно или же законно становились женами своих работников. Так, одна из казачек стала женой поляка, а другая женой казаха. Дед Григорий был далеко не богатым человеком, и потому брак моей бабушки и деда до революции можно было смело назвать «неравным». Революция не только уравнила, – перевернула все с ног на голову.

Прабабушка моя, Комова Катерина, всячески упиралась, не хотела, чтобы мой дед брал себе в жены Анну Полетаеву. Женское чутье? Любовь к единственному оставшемуся в живых ребенку? Или еще что-то? Первое время прабабушка даже кормила их поодиночке – сначала сына, а потом уже сноху посадит, после того как поест сын. Но вскоре мой дед сам нарушил это правило и сказал, чтобы накрывали на стол молодым вместе. Присматривалась прабабушка к своей снохе, все ей она не нравилась. Так, она однажды сказала сыну: «Посмотри, Григорий, у Анны какие толстые мочки на ушах. Долго жить будет. Она тебя, Гриша, переживет». И действительно, бабушка пережила деда на 15 лет.

Многие в селе отмечали, что моя бабушка Анна была чудачкой. Она умела веселиться и веселить других. И смотрелась полной противоположностью своему грубоватому и невеселому мужу. Свое умение на все смотреть с юмором она пронесла через всю свою нелегкую жизнь. Бабушке было уже за семьдесят лет, когда она, возвращаясь от пристани, на которую только что причаливал «Метеор», встретила соседку. Та поинтересовалась у нее, куда она ходила. А бабушка в ответ: «Хотела ехать в институт поступать, да раздумала». Рассмешила подругу.

Тетя Надя рассказывает про свою мать: «Мама умела хорошо пошутить или придумать что-нибудь веселенькое. Раз, отцедив брагу, она бражную гущу высыпала в корыто свиньям, мол, для поднятия настроения. Те налопались и устроили «концерт», стали хрюкать по-особому, голосисто запевали...»

По воспоминаниям родни и земляков, моя бабушка Анна так плясала и так пела песни, что редко кто во всей округе мог посостязаться с ней в этом деле. Вечерами, когда в Чистом Яре заканчивались дневные хлопоты, она забиралась на сарай и заводила песню.

В садочке гуляла, цветочки рвала,
Ломала, кидала под ворота.
Ломала, кидала под ворота:
– Не смейся, казачок, что я сирота,
Пришел бы ты сватать, а я не пошла.
– Не думай, дивчина, сватать не приду,
Поеду в Россию, краше найду.

Объехал Россию и все города,
Не нашел краше, чем та сирота.
Приехал до дому, поставил коня,
Выходит дивчина заплаканная.
Выходит дивчина заплаканная,
По личику видно – засватанная.
– Ты думал, казачок, что я пропаду,
А я, молодая, замуж выхожу.

Радугой поднималась песня над Иртышом, далеко слышно мою звонкоголо-
сую бабку. В Сарабели, за маленьким мостом, за Сухой речкой, и своих певуний
хватает. Эхом ответным откликается соседнее село песней, будто узорчатое по-
лотнище вывесили, кружева на нем особые.

Посияли огерочки
Близко над водою.
Ростят, растут огерочки,
Четыре листочка.
Сама буду поливати
Дребною слезою.
Ростят, растут огерочки
В четыре листочка.
Не бачила я милого
Четыре годочка.
А на пятый побачила,
Я в череду гнала,
Не посмела сказать «здравствуй»,
Бо мате стояла,
Бо мате стояла,
А батько дивився:
– Не выходит на вулку,
Чтоб не разгневился.
Батько добрый, батько добрый,
А мате лыхая,
Не пускает на вулицу,
Кажет: «молодая».
– Пусти, мата, пусти, добра,
Я не заблужуся,
Первый спивнек запевае
Я домой вернуся.

Первый спивнек запевал,
А дочки нема все.
Сидит мате под виконцем,
Дочку ожидает.

Множество песен знает моя бабушка, сарабельцам ни в жизнь ее не перепеть. Заводит она другую песню, горькую «В деревенской крестьянской избушке». Поется в ней о минувших событиях братоубийственной войны, о том, как старший брат пошел в ряды красных, а младший – к белым, как сошлись они врагами и в бою узнали друг друга. Даже солнце вышло в этой песне на битву смотреть да на то, как брат лил горячие слезы над телом родного брата. Оранжевый загорается закат над Чистым Яром и Сарабелью, над быстрым Иртышом. А песни все не утихают. Иная незнакомая песня никак не принимается в одном из сел, и тогда глушат ее своей родной, стараясь перепеть соседей. А иную песню так в два села и поют, и тогда далеко разносится она по Иртышу, эхом отдается в горах.

Поздно возвращается домой мой дед Григорий, в добром подпитии, наигравшись в карты. Сволакивает свою певунью с сарая, гонит домой. Худощавый, маленький ростом, иной раз и кулаки в ход пустит, и тогда дородная округлая Анна мечется от него, говоря по-простому, «ищет пятый угол».

Когда начали всех в колхозы загонять, дед Григорий долго артачился, в колхоз не вступал. Человек он принципиальный, к тому же ершистый. Вот земляк моего деда, выходец из Покровки, Бунеев Егор резко пошел в гору, стал председателем колхоза, хорошо зажил.

А семья Комовых между тем росла: в 1929 году родилась Тамара, в 1930-м – сын Александр, в 1931-м – Надежда. Пожилые родители Григория живут тут же, под одной крышей. Благо – река под боком, рыбы в Иртыше не меряно. В густом камыше, которым, как тайгой, заросли оба побережья, в огромной заводи под Чистым Яром множество щук и шурагаек (молодь щуки), пруд пруди окуня, сорожки, леща. Счастливчику – нельма может попасться. Так Комовы и приучились сидеть на рыбе – уха, рыба жареная и в рассоле, вяленая да копченая рыба. По всему Прииртышью – уйма дикой птицы: утки, гуси, журавли – клиньями, бакланы черной бесконечной лентой тянутся, бьют рыбу. Ондатры водилось немало. Через некоторое время дед Григорий разживется ружьем и начнет потихоньку охотиться. Говорили, что, уже живя в Ново-Тимофеевке, на Береговой улице, дед прямо от крыльца пальнул в пролетающего гуся, да так рассчитал траекторию полета, что птица упала в ограду, прямо к его ногам. По поводу того самого ружья я должен оговориться, добавив еще один штрих к портрету своего деда: в его руках оно могло выстрелить не только в птицу... Когда в доме не стало ружья, все вздохнули с облегчением.

Долгие зимы в Прииртышье, морозные. Ледяная потяга от Иртыша вытягивает из дома последнее тепло. Непросто протопить избу камышом. Порохом вспыхивает охапка камыша и тут же прогорает. Скот согнали односельчане в колхоз, так что теперь даже и кизяка нет, чтоб отапливаться. Немногие богаты дровами, здесь это дорогое удовольствие. От соснового бора, лентой когда-то тянувшегося вдоль здешних мест к Каиндинскому бору, ничего почти не осталось. Только почерневшие избы станиц Чистоярской да Батинской сплошь бревенчатые, без плетней, без оград, с редкими деревянными сараями из той же сосны. Сарабели уже не досталось леса, вся она строилась из глины, застроена саманными мазанками на

глинистом, приподнятом над водою, берегу. В Сарабели – плетни возле каждого дома, не подойдешь к окошку с улицы, не постучишь в окно, как в Чистом Яре, где нет заборов, а улицы просторны. Крепкая пролегла межа между двух прииртышских сел. Что крутобокий овраг, который каждой весенней ростепелью все больше разрастается, разрубая одно русское поле на две части. Прямо по Сухой речке тянется межа-граница. Мостик в одну полосу соединяет села. Рядом – три вековых тополя на склоне оврага с сарабельской стороны. До революции они становились молчаливыми свидетелями диких сцен, когда съехавшиеся на телегах с двух сторон люди могли часами простаивать друг напротив друга, считая зазорным уступить встречному дорогу. Ни казак «хохлу» не уступит, ни «хохол» – казаку. Повезет тому, с чьей стороны подойдет подвода. И горе тому, кто воспротивится воле большинства. Арбу совместными усилиями столкнут на песчаное дно высохшей речки и разобьют одинокому путнику нос до крови. Тогда они еще не знали, какой овраг расколлет всю русскую землю через несколько лет, удобрив ее сполна славянской кровью. Не бить будут друг друга, а убивать. Так и будет, как в той песне о родных братьях, что сложится в народе, и с пронзительной горечью будет исполняться моей бабкой-казачкой.

Вражда между Чистым Яром и Сарабелью началась еще до революции. Земельный вопрос стал одной из основных причин разлада. Ведь лучшие земли находились в руках казаков. Только первым переселенцам в Сарабель еще доставались наделы земли. По крайней мере, казаки Галкины (один из 16 братьев, перебравшийся на Иртыш с Кубани), которые были в числе тех 11 семей, основавших село Красивое, имели свою небольшую заимку. Говорят, и сейчас в том месте у родника есть камень, на котором высечено «Галкин П. П.». Галкины прекрасно ладили с моими чистоярскими предками Полетаевыми. Вместе участвовали в джигитовке в столице семиреченского казачества городе Верном. Там Галкин Порфирий Петрович взял первый приз – красное седло. Он же показывал танец с шашкой со стаканом водки на голове, да так сплясал, что ни капли не расплескал.

В «Сказаниях русского народа» Ивана Петровича Сахарова в разделе «Народные присловья» даются названия выходцам из той или иной местности. Так, в народе арзамасцев прозывали гусятниками и лукоедами, владимирцев – клюковниками, попрекая их за любимую ими клюкву, вязьмичей – прянишниками и т. д. Не остались в стороне и мои земляки, которые условно разделили друг друга на «борщевиков» и «чаевников». От той поры осталась одна «обзыватька», по которой можно четко проследить о пристрастии сельчан к своим «основным» блюдам: «В Сарабели собаки лают: «бо-р-р-р-щ, бор-р-р-щ», а в Чистом Яре: «чай, чай». И собаки «соответствовали» своим хозяевам – в Сарабели справные, а в Чистом Яре – сухие, жилистые.

У чистоярца чаще всего на столе картошка в мундирах, любимая уха, жареная рыбка или тушенная в рассоле со сметаной. Из мясного рациона – щи, пельмени. Вареники, лапша, «рванцы» (рваное тесто – те же галушки). Из мучного еще – пирог с рыбой, блины, пирожки, хворост, лепешки, баурсаки. Но венцом кушанья, логическим завершением трапезы для казака с Верхнего Иртыша является чай. Даже сахарный арбуз в летнюю пору не способен оттеснить значение чая в жизни казака. У Семиреченских казаков, к которым тянется одна моя родственная веточка и которые являются самой близкой родней казакам-сибирякам, в одной из игровых песен с оригинальным сюжетом высмеян незадачливый варщик чая.

Чтобы вольным пересказом не нарушить впечатления, приведу текст полностью. Песня так и называется «Раз принес мне барин чаю», из сборника Майи Михайловны Багизбаевой.

Раз принес мне барин чаю
И велел его сварить,
А я отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.
Вот я взял полфунта чаю,
Положил его в горшок,
На прибавку перцу, луку
И морковки корешок.
Все поставил на таганку,
Раза три прокипятил
И для пущего для серту
Сверху маслица пустил.
Вот я взял тарелку, ложку
И поставил все на стол,
К тому время понемножку
Тут и барин подошел.
– Ты послушай-ка, наш барин,
Хочешь чай принять сейчас?
– Если будешь так стараться,
Будешь чай варить опять,
То на праздничек, наверно,
Подарю рублевок пять.
«Пять рублей ведь денег много,
С ними можно погулять.
И Машка-недотрога
Меня будет уважать».
Слышу, барин расхотелся,
Меня в комнату позвал,
В волоса мои вцепился
И таскал меня, таскал.
Долго, долго он сердился,
Злой по комнате ходил,
Тут чебык ему попался –
Меня в кухню проводил.
Долго думал я, старался,
Чем ему не угодил?
А потом лишь догадался,
Что я чай не посолил.

Первое время переселенцы с Украины к чаю относились пренебрежительно. Что же касается борща, то это блюдо появилась на нашем побережье благодаря тем же украинцам. Они же привезли с собой сюда и первые помидоры, которые благополучно разрослись под ярким азиатским солнцем за каждым плетнем в Сарабели.

Кроме моей бабушки Анны у Полетаевых было еще двое младших детей. Сестру звали Матреной, а брата Иваном. Об этих родных мне людях сохранились скудные сведения. Но даже их достаточно для того, чтобы сложилось мнение о моей казачьей родне. Матрена Сергеевна по первому мужу носила фамилию Кобзева. Ее мужа, невиновного ни в чем человека, в 1937 году осудили как врага народа. Эта верная и любящая женщина ездила за своим мужем по всей Сибири до тех пор, пока не пришло его последнее прощальное письмо, написанное в предчувствии близкой гибели. В этом письме он благодарил ее за любовь и просил, чтобы она его больше не ждала. Знал, что увидеться им больше на этом свете не придется. Сестра моей бабушки не побоялась того, что ее назовут «женой врага народа», не отреклась от своего мужа и до последних дней не верила в его виновность, находясь рядом. Много понадобилось времени Матрене Сергеевне, чтобы затянулась тяжелая рана.

Во второй раз она вышла замуж за Шатохина Ивана, но детей у них не было. Матрена Сергеевна выпросила у моей бабушки старшую дочь Тамару на свое воспитание. Так моя старшая тетушка уехала в Алма-Ату. Выросшая в столице в полном достатке, она станет не такой близкой и родной своим оставшимся братьям и сестрам, которые будут ее называть между собой «панночка».

О Полетаеве Иване Сергеевиче сохранилось еще меньше сведений, чем о его сестре. Родственники рассказывали, что еще до войны он работал бухгалтером в Самарке. А когда Полетаевы перебрались в Алма-Ату, Ивана обвинили в махинациях и вернули в Самарку, в Восточный Казахстан. Находясь под обвинением, он устроил длительную голодовку в знак протеста. А когда ослабевшего и исхудавшего Ивана выпустили, за ним приехал шурин – мой дед, Комов Григорий Михайлович, пригнал две лошади, взял тулуп, чтобы одеть родственника. К той поре в хозяйстве деда появилась живность. И чтобы откормить брата своей жены, мой дед заколол бычка. Поднявшийся на ноги Иван Полетаев вернулся в Алма-Ату. Вскоре началась война, и в первые же дни войны Иван ушел на фронт. Вернулся он весь израненный, имея множество наград. И умер от ран, вскоре после войны, в возрасте сорока двух лет. Его хоронили на кладбище, что находится у Ташкентской улицы, при огромном стечении народа. Духовой оркестр провожал в последний путь Ивана Сергеевича через весь город. Среди родственников о нем осталась память как о настоящем герое.

В каком году родители моей бабушки Анны Сергеевны перебрались из Чистого Яра в Алма-Ату, мне неизвестно. Знаю точно, что моя прабабушка Аксинья Полетаева вернулась на свою родину. Она из семиреченских казачек. Ее девичья фамилия – Бакулина. Корни ведут к табаксовхозу, что находится в пригороде южной столицы. В Алма-Ате Полетаевы жили в маленьком домике на улице Каскеленская, 13 (по другой версии – на улице Полежаева), неподалеку от завода Кирова. Со временем прадед пристроил еще комнаты, превратив небольшую избушку в добротный хороший дом. Судя по всему, хозяйственным и деловым был мой прадед, в честь которого меня назвали. В глубокой старости он делал табуретки и продавал их на базаре. По характеру он был человек строгий и требовательный.

Мою прабабушку Аксинью Полетаеву все любили за ее добродушный характер. Она много пережила в своей жизни, рано познав голод и недостаток родительского тепла. В детстве Бакулина Аксинья осталась сиротой. Их было три сестры и три брата, которых разъединило раннее сиротство. Позже, когда они с моим прадедом

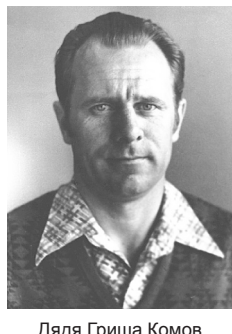
Комовы Григорий Михайлович и Анна Сергеевна.

Мои дедушка и бабушка – Иван Моисеевич и Степанида Антоновна Постоноговы.

Постоноговы Павел Моисеевич, Моисей Иванович, Аксинья Моисеевна и Агафья Ивановна.

Дядя Гриша Комов (Григорий Григорьевич).

Комов дядя Саша (Лёля).

Постоноговы. Токпура 1951 г. Стоят: Вера, Таня, Фрося. Сидят: моя мама, Тамара, Борис. У деда Ивана на руках Шура, у бабы Стеши – Петя.

Анна Сергеевна и Григорий Михайлович. Справа – тетя Надя и дядя Гриша, Наталья и Валера. Слева – мама и Володя. А-Ата, 1965 г.

Мои родители – Анна Ивановна и Алексей Григорьевич Комовы.

жили возле завода Кирова, перед войной случилось необычное событие, которое произошло не иначе как по божьему промыслу. Вечером к ним в дом постучался путник и попросился переночевать. Красивый, вежливый, совсем еще молодой мужчина. Прабабушка пустила его в дом, накормила, а за неспешным ужином они разговорились. Он рассказал ей о своей судьбе, что рано остался сиротой, что их было шесть братьев и сестер. Услышав знакомую историю, Аксинья спросила его фамилию. Представляю, как она была поражена, когда услышала в ответ свою родную фамилию – Бакулин. Случайный путник оказался ей родным братом. Так, среди огромного города, по воле Господа обрели друг друга родные люди. Он остался жить у сестры. А вскоре началась война. Он ушел на фронт и погиб. Известно также, что одна сестра прабабушки Евдокия жила в Самарканде, а другая в Шемонаихе, в Восточном Казахстане. Прабабушка моя Полетаева Аксинья умерла в Новый год, в доме было много гостей. Ей было восемьдесят лет. Похоронили ее на кладбище по Ташкентской улице, рядом с мужем, умершим раньше ее.

ТАЙКА

Многое связывает меня и мою родню с Алма-Атой. Тетушка Вера закончила здесь курсы бухгалтеров, став хорошим специалистом в этом непростом деле. Изучив законы, она могла при случае грамотно отписать высокому начальнику любую жалобу или просьбу.

Старшая моя тетя Тамара Григорьевна долгое время работала в Алма-Ате на радио.

В Алма-Ату, к деду перебрался после службы в армии старший сын тети Нади – мой двоюродный брат Валера. Он работал в детской колонии, там же, где когда-то был плотником наш дед.

В Алма-Ате жил и мой любимый дядя – Григорий Григорьевич, младший брат отца. Временами он уезжал на заработки то на Курильские острова, то на Камчатку, неизменно возвращаясь домой, в Алма-Ату. Его не стало в 2009 году. Похоронен он на небольшом кладбище, на выезде из Алма-Аты в сторону Киргизии.

Долгое время в Алма-Ате прожила и младшая отцова сестра Галина Григорьевна. Она вышла замуж за Первушина дядю Сашу. Он был известным инженером-строителем.

Тетя Надя тоже оканчивала какие-то курсы в Алма-Ате. Тогда она была совсем молодой. До сих пор она хорошо помнит небольшой домик своего деда возле завода Кирова.

Однажды она мне рассказала и о своей подруге, с которой дружила в юности и которая жила по соседству с Полетаевыми, возле железнодорожного переезда, у завода Кирова. Боль за эту девушку не оставляла ее до самой старости. Подругу звали Тайка. Страшная судьба была у нее. Однажды отец отправил Тайку на чердак принести какую-то вещь и там изнасиловал ее. Плакала она долго, не в силах простить отцу преступления. В самый раз тут вспомнить Аксинью из «Тихого Дона», над которой тоже надругался отец. Но, к сожалению, у Тайки оказалась более печальная судьба. От этого кровосмешения родился у нее ненормальный сын, которого девушка отдала в приют. И пошла Тайкина жизнь кувырком. Отказались от нее родные братья и сестры. И запила Тайка от своего

великого горя. Домик ее превратился в притон, и постарела она в считанные годы. Однажды тетя Надя заехала к ней в гости – и не узнала! Подруга была похожа на старуху. А умерла Тайка совсем молодой женщиной. Пошла за углем, тащила его в мешке через железнодорожный путь, села отдохнуть у забора, так и умерла, сидя на мешке с углем.

ГОЛОД. ВОЛКИ И ЛЮДИ

Опустели в войну села и аулы, почти все мужчины ушли на фронт. Подрастающие мальчишки по мере сил заменили своих отцов по хозяйству.

К общей беде прибавилась еще одна забота. Осенью волки выводят своих подросших волчат на охоту, много людям доставляют они хлопот. Раздольно этому зверю в наших местах.

Как-то мне мама рассказала случай. Жил в нашей деревне Кусаинов Мантай, родом он был из аула Канай, что находился за Иртышом напротив Сарабели. Мантаю в тот год исполнилось всего восемь лет, но он уже один пас целую отару овец. В тот день хорошо припекало солнышко. Забравшись на ближайшую скалу, мальчишка сверху озирает родные места. Внизу как на ладони были видны пасшиеся овцы. Густой вереск, как перина, устилал взем скалы. Разморившись на солнышке, Мантай лег на вереск и уснул. Хороший ему приснился сон, добрый. Сквозь сладкую мальчишескую дрему показалось Мантаю, будто кто-то ткнулся ему в щеку чем-то мокрым и шершавым. Проснулся он, почувствовав на лице дыхание: кто-то принохивался к нему. Но каково же было изумление бедного мальчишки, когда, раскрыв глаза, он увидел перед собой огромного волка. Несколько мгновений мальчик смотрел ему в глаза, лежал, не шевелясь. Волк не стал трогать ребенка, развернулся и скрылся в ближайшем ущелье. Уже после исчезновения зверя ужас охватил мальчика, и он забрался в расщелину между скал, просидев там почти до самого утра, пока его не нашли хватившиеся родственники и другие жители аула. Этот эпизод до сих пор не дает мне покоя. Каково же было пережить его мальчишке, если он до самой старости отчетливо помнил мгновения той далекой военной осени.

Тот же Кусаинов Мантай рассказывал, как однажды зимой они со стариком убегали на саях от стаи волков. Когда волки начинали догонять упряжку, старик зажигал пучок соломы, привязанный на длинной веревке к саям. Пока горел огонь, волки держались на почтительном расстоянии от людей, а потом снова нагоняли. И тогда бросали веревку с другим горящим пучком соломы, приготовленным заранее. Пока горит очередной клочок соломы, подтягивали предыдущую веревку и привязывали солому опять. И в этот раз повезло Мантаю, потому что на их счастье наткнулись они на рыбаков, что стояли бригадой на Иртыше. Испугались звери большого количества людей, ушли снова в степь.

Люди говорили, что в войну волки без страха заходили в деревню. В Чистом Яре они не раз вскрывали крыши баз и резали колхозный скот. Даже летом не было от них спасения. Тетя Надя Комова говорила, что среди белого дня волки порвали у них годовалую телку прямо за селом, у проселочной дороги. Моя бабушка собрала то, что осталось от телки, сварила и подсушила в печке, чтобы мясо сразу не испортилось, ведь холодильников тогда не было.

Голодно было в войну. Деда Григория забрали на фронт. Тетя Надя была старшей в семье – на ее плечи свалилась значительная тяжесть заботы о большой семье. Тетя Тамара, кровная сестра, «панночка», в ту пору неплохо жила в столице у родни, и потому ей не привелось пережить того, что досталось младшим братьям и сестрам. Надежда Григорьевна о том времени рассказывала: «Муки овсяной дадут 1 килограмм. Сделаю затируху и по горсточке сырой затирухи каждому раздам. Лёля с Лешей съедят, а Вера маленькая еще, долго ела, сидит чавкает. А дети смотрят на нее, им кажется, что я ей еще дала, и требуют с меня добавки, мол, Верке ты другой раз дала, а нам нет...»

Долгое время мою родню выручала корова. Когда тетя Надя шла ее доить, младшие братья и сестры – один другого меньше, становились в очередь с кружками, поджидали свою порцию молока. Вскоре не стало коровы, и дети стали опухать от голода. Оставался годовалый бычок, которого моя бабушка, видимо, берегла до самого крайнего срока. И вот он наступил. Дядя Саша подступил к матери с упреком и говорит: «Ма, мы с голоду опухли, а телок вона какой жирный ходит...» Позвали кузнеца, он и заколол бычка. Растягивали запас мяса, сколько могли. Но и эта еда закончилась. Съели даже шкуру того бычка. Тетя Надя, как про невиданный деликатес, рассказывает: «А знаешь, какая вкусная шкура! Опалишь ее, сварить, во какая толстая набухнет она, а вкусная какая!» Вряд ли сейчас с удовольствием елась бы та шкура. Это опаленное войной и голодом детство говорит устами моей любимой тетушки.

Ближе к концу войны стало совсем нечего есть у Комовых, как и у многих односельчан. Моя бабушка, Анна Сергеевна, в то время работала на ферме охранником. Тетя Надя рассказывает о той поре: «Когда сдыхал колхозный теленок и его определяли к увозу на скотомогильник, она вместе со своей подругой Злобиной Нюрой делила его пополам. Разделят на мелкие куски, спрячут в объедья сена, которыми дома топили печи, и несут домой. Мы жили неподалеку от ферм. Близко идти до дома. А Злобина Нюра пока дотелепает до своего дома, вереницу собак соберет за собой. Бегут собаки за ней, учуяв мясо, чуть не выхватывают из рук тюк, тычутся мордой в сено, растеребят весь тючок».

– В войну пришлось маме променять и подушки, и одеяла, и перину на муку. Тогда мера была одна – любая вещь шла в обмен на муку. Одеяло – чашка муки, подушка – чашка муки, перина – чашка муки. Делала из муки болтушку, чтоб детей накормить. Шибко ею не накормишь, но аппетит перебить можно. – Тетя Надя вздыхает. – Подчистую война вылизала наш дом и опустошила двор.

Еще вспоминала тетушка, как в МТС (машинно-тракторной станции) бабушке дали 2 килограмма муки. Видимо, и там бабушке пришлось поработать. «Мука оказалась горькой, как полынь. Есть ее было невозможно. Сделали из той муки батарею, это такие толстые лепешки, на воде заведенные. Разложили тесто на листы и запекли в русской печи. Даже после этого их невозможно было есть. Решила бабушка те лепешки заморозить. Наломали кусками в ведро и подвесили, чтобы собаки не достали. Замороженные эти куски все-таки съели: глотали ломтями, чтобы не чувствовать горечь, и ели».

А перед концом войны в той же МТС предложили Анне Сергеевне работать пекарем – хлеб на дому печь. Пожалели. Это был подарок судьбы. Это было время, когда в семье моей бабушки дети хоть немного ощутили вкус хорошего хлеба.

– На речке в Канайке раньше мельница стояла. Хорошую там муку делали, – вспоминает свое детство тетя Надя. – Свежая мука из-под жерновов – теплая. В эту теплую муку водички, соли немного... Ох, и вкусные батери были со свежей муки.

Про то время с грустной улыбкой припомнила тетушка еще кое-что:

– Наш Лёля одно время работал в колхозе, и дали ему кобылу. Ту кобылу он назвал Лахудрой. Ростом он невелик, подведет кобылу к избе, заберется на пристройку, а оттуда уже садился верхом на свою Лахудру. Припустит на ней, его шибко и не видно на том коне. Мать сшила Лёле штаны из домотканого половика, и он ходил в них. Потом они растрепались, во все стороны распустились, и он ходил в них, как петух мохноногий... Бывало, на Лахудре своей с поля приедет радостный, говорит: «Вот сёдня загируху хорошую варили, аж ложка стоит!» И еще, помню, в Чистом Яре жеребец был хороший. Сам табун пас, волков гонял, никого не боялся. Имя у того коня было подобающим – Смельчак.

Еще про волков вспомнила тетя Надя:

– В августе на току женщины работают. А я по краю села мимо иду, тогда я уже подростком была. Невдалеке большущая серая собака бродит. А женщины оттуда мне кричат, мол, не ходи одна, там волк ходит. А я-то думала, что собака это.

Уже после войны, когда дед вернулся домой, тетя Надя вместе с моим отцом пошли в Акчуку, полоть картошку, километров шесть-семь туда идти от села. Где-то на полпути из лога вышли два волка. Сопровождали они на небольшом расстоянии ребятишек до самого места. Даже бежать пришлось в самом конце, когда волки скрылись в ложбинке. А следом мой дед подошел, принес из деревни сухие лепешки, которые без масла в казанке пекут. Поели их у ручья, залили проточной водой и пошли полоть картошку.

Уроженец села Тимофеевки Павел Яковлевич Балахонов рассказывал смешной случай, как в войну кто-то предложил поохотиться на волка «на живца». «Живцом» служил поросенок. В сани садилось три человека: один правил лошадей, другой прижимал поросенка, а третий держал наизготове ружье, готовый в любой момент выстрелить. Не успела тройка охотников выехать за село, как на поросячий визг поднялся из-за ближайшего взгорка волк. В одиночку он пустился в погоню. Подпустив зверя поближе, чтобы бить наверняка, охотник выстрелил в цель и уложил хищника первым же выстрелом. Подростки забросили жертву в сани и поехали в село радостные – и волк убит, и поросенок цел. Приходили посмотреть на зверя сельчане, хвалили ребят за сноровку, говоря, что хоть одного изничтожили, а то никакого спасу от волков нет. Тут же районная газета узнала о новом виде охоты «на поросенка», обещая известить всех о новаторстве смельчаков. Даже приходил известный волчатник Омаров. Он осмотрел хищника внимательно и заключил, что действительно матерого зверя взяли. И даже он, старый охотник, не заметил подвоха во всей этой «охоте». Только утром следующего дня старушка, жившая на краю села, опечаленная исчезновением любимого пса, опознала в геройски погибшем звере своего любимца. Надо же было так совпасть – и окрасом, и ростом, и хищной натурой своей пес напоминал собой волка.

Галкин Михаил Иванович, родом из Тимофеевки, рассказывал о своей встрече с волчицей. Он был уже парнем в ту пору. Пошел один на рыбалку и вытащил на блесну четыре крупных щуки. Не сразу заметил, как из лога к нему стала приближаться волчица. Оставил ей одну щуку на берегу, а остальных взгромоздил на

себя и пошел к селу. Но волчица пошла вслед за ним. Положил на берег и вторую рыбину. И этого ей оказалось мало. Оставил третью. И лишь когда положил на землю последнюю, волчица перестала его преследовать.

РОДНЯ. БУТРИНЫ И СОШНЕВЫ

Перед войной в Чистый Яр переезжают из Чернигова (или Черниговки?) наши родственники Бутрины. Клавдия Ильинична Бутрина, младшая родная сестра моей прабабушки Катерины, которая в девичестве тоже была Сошнева, обе – родом из Покровки из-под Новосибирска. Первоначально их фамилия звучала – Сочневы. Когда и по какой причине произошла смена звука, неизвестно. Юрий Федосюк в своем «Популярном этимологическом словаре» фамилию Сочнев подает следующим образом: «Сочень – сладкая лепешка, обычно с творогом. В тверских и осташковских говорах сочень – береженое дитятко».

Вот как описывает тетя Надя свою бабушку и ее сестру, в девичестве Сошневых: «Обе высокие, белые, светловолосые. Вот у меня раньше один метр шестьдесят два сантиметра роста было, сейчас не знаю сколько осталось... Так они выше меня были».

У Клавдии Ильиничны был единственный сын Михаил. Куда девался ее муж – она никому не говорила, оставила это в тайне. Знали только, что жили они с мужем богато. Клавдия Ильинична повторно выходила замуж за своего работника. Но недолго длился этот брак «по расчету». Однажды он пришел к ней и говорит: «Вот тебе, Клава, хомут и дуга, а я тебе больше не слуга». И ушел. После этого вскоре подались Бутрины ближе к родне. Так и оказались они в Чистом Яре.

Дядя Миша Бутрин был видный собой – высокий, крепкий, симпатичный. Присмотрел он себе невесту в Сарабели – красавицу Лиду, дочку кубанского казака Порфирия Петровича Галкина. Она тоже, как и Михаил, была рождена в 1917 году. Привел он ее в Чистый Яр показать родне. Стройная, высокая, открытая душой, улыбчивая красавица всем сразу понравилась. Заслали сватов – моих деда с бабушкой, которые за всю родню всегда ездили сватать. И вскоре молодые поженились. Красивая это была пара. Шел 1939 год. Но семейное счастье у этой молодой четы было недолгим. В 1940 году Михаила Ивановича забрали на службу в армию на долгих семь лет. К тому времени у них уже родилась дочка Тамара, которая вскоре умерла. Говорили, что лицом она пошла в нашу породу, в Бутриных, вылитый Михаил. Моя тетя Надежда Григорьевна хорошо помнит ту пору. Она была еще маленькой девочкой. Бабушка Бутрина брала ее за руку, и они вместе уходили в Сарабель погостить у любимой снохи. Помнит и маленькую Тамару. Нагостившись, они к вечеру возвращались обратно в Чистый Яр.

С самого начала войны Бутрин Михаил Иванович был на передовой. Он был танкистом, я хорошо помню, что на его груди красовалась наколка танка с коротким стволом. Сначала наши войска отступали, а потом получила Клавдия Ильинична извещение: «...пропал без вести». Несколько лет от него не было ни слуху, ни духу. Молодая жена, да и не она одна в селе, уже считали себя вдовами. А мать все ждала, верила, чувствовала, что он не убит! На коленках простаивала у иконы, вымаливала у Бога заступничества за единственного сына. А он,

действительно, был живой. На территории Украины, после одного из боев его, раненого, спрятала у себя дома девушка по имени Валентина. Но известно это стало много позже.

А тогда в далеком Чистом Яре жизнь шла своим чередом. Лидию Порфирьевну Бутрину правление колхоза посылает учиться на механика в Каскелен, в Алма-Атинскую область. С матерью мужа, которая в снохе души не чаяла, у Лидии был перед поездкой разговор, и свекровь с чистым сердцем отпустила сноху на учебу.

Как бы там ни было, а жизнь продолжалась. В Алма-Ате Лидии, которая уже считала себя вдовой, сделал предложение ее преподаватель. Она соглашается на брак, но при условии, что он поедет вместе с ней в Чистый Яр. Видно, за такой красивой женщиной можно было ехать хоть на край света. Он бросает насиженное место, работу и едет за ней в незнакомый ему край. Так Лидия Порфирьевна вышла замуж во второй раз и стала Дурневой.

Закончилась война. Прошло полтора или два года после нее, когда Михаил Иванович Бутрин снова оказался в Чистом Яре. У Лидии Дурневой к тому времени уже было двое детей – Валентина и Николай.

По рассказу Веры Порфирьевны Бутриной, родной сестры Лидии Порфирьевны, дело обстояло так. Михаил Иванович, вернувшись в Чистый Яр, после встречи с матерью первым делом пошел поговорить с Дурневым Николаем Игнатьевичем, прямо на работу. Сколько нужно было такта, самообладания и душевной выдержки, чтобы в создавшейся ситуации не накалить обстановки и достойно повести себя. Познакомившись с Дурневым, Михаил Иванович спросил у него разрешения встретиться со своей женой, ведь для него она до сих пор была законной супругой, развода у них не было. Представляю, какая это была встреча, и что пришлось пережить им всем в то время, когда пришло такое испытание судьбы, и жена должна была сделать свой выбор между двумя мужьями. Михаил Иванович уговаривал Лидию Порфирьевну снова быть с ним, обещал любить ее детей, потому что он слишком сильно любил ее. Но она отказала. Осталась со вторым мужем, с которым у нее было уже двое детей. Михаилу Ивановичу ничего не оставалось, как вернуться на Украину. Там он женился на Валентине, которая была рядом с ним в войну. Вместе с женой он переезжает в Чистый Яр на постоянное место жительства. Между Бутринными и Дурневыми сложились теплые дружеские отношения. Лидия Порфирьевна до конца жизни звала свою бывшую свекровь Бутрину Клавдию Ильиничну мамой, и та относилась к Лиде, как к дочке.

Михаил Иванович пережил обеих своих супруг, прожив 93 года. Умер он на Украине, под Донецком, на родине жены Валентины, куда они переехали в восьмидесятые годы.

В Чистом Яре жили и другие наши родственники. Младший брат Клавдии и Катерины – Семен Ильич Сошнев. Я хорошо помню Павла Семеновича Сошнева. Сейчас его уже нет в живых. На могильном кресте у дяди Паши фамилия записана через букву «ч», Сочнев. Фамилия больше давала женщин и «растворилась» среди других. Лишь одна ветка из нашей кровной родни, вышедшей из Покровки, упорно растила мужчин и сохранилась по сю пору в нашем краю. О Сошневых тетя Надя Комова вспоминала: «Перед войной отец дяди Паши не то

резал корову, не то на скотомогильник тушу увозил, когда заразился «сибиркой» (сибирской язвой) и умер. В тот год родилась его младшая дочь Зина. А было их всего пятеро детей – Митя, Миша, Павел, Тоня и Зина. И мать слепая еще была у них в войну, все на печке сидела...»

Чаще всего моя тетя Надя рассказывала о Михаиле Сошневе. Этот самый Михаил стал главным героем нескольких быличек и участником «ночных поделок» у Комовых, когда потребовались смельчаки для наблюдения за нечистой силой. Все эти рассказы пахнут древностью, пронизаны русской мифологией.

Быличка первая. Рассказана Комовой Надеждой Григорьевной.

– Миша Сошнев мне сам рассказывал. Он был в ту пору влюблен в Ястребову Зину. Она потом замуж за Абашина вышла, Абашинной стала. А жила она в Сарабели, сарабельская. Он не через мостик к ней ходил, как все вкругаля, а тропинкой, через Сухую речку. Так много короче будет. Ему утром спозаранок на работу надо, и решил он в тот вечер пораньше домой дунуть. Вовсю темнялось, когда Миша Сошнев пошел обратно. Дошел до яра, сиганул вниз по тропе, а она вилючая. Пошел по Сухой речке. А уже совсем стемняло, хоть глаза выколи. Вдруг наткнулся Миша на что-то твердое. Что за диво! Час назад шел по этой тропе – ничегошеньки не было. Принагнулся, глядь, а то гроб стоит, свежими стружками от него пахнет. Прямо посреди дороги. Миша в сторону – обходить. А тот за ним. В другую сторону идет. А тот опять туда, дорогу ему перекрывает и все. Так Миша со страху верхней дорогой от него лупанул. Едва убежал.

Быличка вторая.

– Тоже Миша к Зине пошел в Сарабель. Невесть откуда к нему свинья привязалась. Под ноги лезет, за брюки цепляется. Сразу догадался, что ведьма в свинью оборотилась. Он – дуй-не стой до деревни. Там вроде и расстояния-то немного, а ноги не бегут, от страха налились свинцом и все, как деревянные сделались. До чего долгой ему дорога показалась. До самой калитки она за Мишей гналась. Ее надо было чем-то ударить, да не прямо, а наотмашь. А он-то откуда про то знает! Умыздохался, пока от ведьмы убегал. Так Миша не шибко много пожил после того. Рано умер.

Из реалистических рассказов запомнился один, довольно-таки живой рассказ с тем же персонажем в центре. Рассказчик тот же.

– Приехала к нам с того берега, из-за Иртыша, одна семья. Недолго они у нас в селе пожили да куда подальше подались. Вроде по всем приметам – кержаки. Дочка у них взрослая, уже на выданье. Только кому ж она така нужна! Гуля-а-щя была девка. До такого «добра» всегда охотники найдутся. А Мише Сошневу и тут больше всех «повезло». Были с ним еще двое – тех уже не помню. Вроде она сама согласная была, а потом обкрутила это по-другому, будто снасильничали ее. Замуж пора уже ей, а раз по-хорошему не берут, решила «по-плохому» – обженить на себе кого-нибудь. Заварилась эта каша, и вызвали всех на суд в Самарку. Все трое мужиков сели на таратайку, Настю эту с собой посадили и друженько отправились на суд. Там вынесли постановление, что если не хотите сидеть, кто-то из вас должен на ней жениться. Выпало на Сошнева, ему все равно осенью в армию идти. Он и подвязался на такую ношу. А Настя эта все лето за ним ходила, приставала к нему: «Когда женишься?» Тот протянул до осени и в армию улизнул.

Несколько слов скажу и о дяде Паше Сошневе. После затопления Чистого Яра они жили в Ново-Тимофеевке на Больничной улице, за которой уже начинался пустырь до самой Бухтармы, метров двести до берега. Жена его – тетя Маша, сколько себя помню, работала в совхозной бане. Баня эта была одной из достопримечательностей села, каких и в области мало найдешь. Она стояла несколько в стороне от домов и располагалась как раз на меже между личными крестьянскими дворами и двухэтажками. Состояла она из двух отделений сообщающихся между собой, и двух вместительных парных. А какой там пар был замечательный, сухой! В четверг и в субботу – мужские дни, в пятницу и воскресенье – женские. Целые состязания проходили в парных: кто кого перепарит. Особенно зимой, когда горожане, возвращаясь с рыбалки, заезжали в деревенскую баню попариться. В прихожей имелся небольшой буфет, где тетя Маша Сошнева продавала бутылочный лимонад, квас и знаменитое самарское пиво. Какая это была радость для жителей села – после чудесного пара выпить свежего кваса или пивка. Праздник души – эта совхозная банька! И все за копейки! Каждый мог себе позволить это удовольствие. Многие ходили по два раза в неделю. Нароботавшись в поле или в МТМ (машинно-тракторная мастерская), трактористу и водителю незачем было мучиться топить свою баню, таскать в нее воду, он шел в общественную баню, где соблюдалась чистота, и пару хватало на все село. Добрые брежневские времена! Теперь уже баня не топится с самого развала Советского Союза. Теперь она одиноко пустует на отшибе.

Сколько помню дядю Пашу Сошнева, он всегда работал. В совхозе он работал водителем, сначала на ГАЗике, потом на ЗИЛе трехмостовом, слесарем в котельной работал и автослесарем в МТМ. Вечно держал большое хозяйство и сажил много картошки. Участок картошки называл «мочажинной». Говорил: «У меня, наверно, пять мочажин посажено». Он страшно любил картошку, мог ее есть хоть каждый день, и она ему не надоедала. Говорил: «Я один съедаю тракторную тележку!» Таких как он трудоголиков еще поискать надо. И тетя Маша вместе с ним, как впряглась по молодости в тяжелую нескончаемую крестьянскую работу да надела на себя эту ляжку, так без разгиба до самой старости и пронесла свой крест. Вспоминает она о своей жизни без охотки: «В Самарке, откуда привез меня Паша, я могла выйти замуж за другого, и, может быть, полегче бы прожила. Да только от судьбы не уйдешь».

У них всегда было огромное хозяйство, большие участки в полях – работы невпроворот. Родственники поговаривали, что дожились они до того, что даже времени спокойно поесть у них нет, все на ходу. Без отдыха, в вечных заботах, в суеде пролетела человеческая жизнь. Дядя Паша сам смастерил грузовик для хозяйства. В маленьком затончике, что находился за двухэтажками, у него стояла большая железная лодка с дизельным двигателем. Я ни разу не припомню, чтобы она плавала. Все мальчишки считали, что она стоит только для того, чтобы с нее нырять или рыбачить. Домашняя баня у Сошневых работала на солярке. Да и умер дядя Паша тоже, можно сказать, в работе. Перекидал с утра несколько тонн угля, прилег на диван отдохнуть, да больше и не поднялся. Все говорил он до этого: «Как помру, в чем есть, в том и хороните. Я обычно в рабочей одежде хожу. Че уж наряжаться, работягой был, так им и предстану перед Богом». Всерьез он это говорил или в шутку, а похоронили дядю Пашу, как и полагается, – в чистом. На том свете уж точно не по одежке встречают, разберутся.

НАДЕЖДА. КРЕСТНЫЙ ХОД

Мой отец был четвертым ребенком в семье. Он родился в праздник – 1 мая 1937 года. Спустя два года родилась у Комовых третья дочь – Вера. А в октябре 1941 года – Григорий, мой любимый дядя, добрейшей души человек.

К началу войны старшим детям, Александру и Надежде, было соответственно одиннадцать и десять лет. Младшим – отцу моему – четыре, а тете Вере два года. На плечи старших свалились тяготы голодного времени. О том времени мой отец до сих пор не хочет рассказывать, он боится даже воспоминаний пережитой голодной поры. Дважды спасала его от смерти старшая сестра Надежда – нянька. Один раз, когда отцу было пять лет, он вместе со своим товарищем ушел из детского садика, и они наелись корней белены. Друга звали Мотя Михайловский (Матвей?). Незадолго до этого случая Мотя приходил к Комовым в гости. Тетя Надя вспоминает, что на нем был старенький пиджачок. Погода стояла дождливая. И когда мальчик скинул свой пиджачишко, то все увидели, что весь подклад и все швы его черны от вшей. Отравившись, мой отец и его друг Мотя лежали на полянке за селом. Тетя Надя, узнав от людей, что «братик отравился и умирает», побежала к ним и стала отпаивать детей молоком. Отца отпоила, а его друга Мотю Михайловского не смогла, он умер.

И второй раз тетя Надя спасла моего отца. Он был уже постарше и отправился с ребятишками в местечко Точильное за слизином – диким луком. Там дети с голоду наелись этого слизина, а на обратном пути моему отцу стало плохо. Он через силу дошел до скотомогильника и упал. Ребятишки прибежали к дому моего деда, крича с порога: «Там Ленька ваш умирает». Время было вечернее, смеркалось. Страшно было идти девочке мимо деревенского кладбища. Обежала она его стороной и вскоре нашла братика. Долго нянька отпаивала его молоком. А когда моему отцу стало немного лучше, они побрели домой. Была уже ночь.

Большинство воспоминаний о той поре, как я уже говорил, принадлежит моей любимой тетушке Наде. Не будь ее – не было бы на свете ни моего отца, ни меня, ни этих записей.

Много разного вспоминала она. Рассказывала, что накануне войны зарево на западе горело огнем, стояли огненные столбы. Старики сразу сказали, что дело идет к войне.

Разное припоминала тетя Надя о голодных военных и послевоенных временах. Припоминала, как на месте разрушенной церкви, которую сломали за год или два до войны, остался холм, который зарос карагайником. Его желтые цветки – «петушки» рвали и ели голодные люди. Рядом с разрушенной церковью жил мужик. Во время войны он зарезал теленка и вывесил возле дома шкуру. Ее стащил дядя Саша. Шкуру сварили и съели.

Еще вокруг села рос «сладкий корень» – солодка, который ребятишки с удовольствием жевали. Ели чакан, то же, что и аир, с широкими листьями, рос он в воде. Он был выше человеческого роста. Его выдергивали и ели белую нижнюю часть растения. А на воде, если перевернуть разлопушенные листья этого речного растения, росли удивительно вкусные «рогульки» – водяной орех. Плоды рогульки не округлы, как обычный орех. Формой они похожи на остроносую, ушастую мышиную мордочку. В карманах у мальчишек они колют ноги, удобнее собирать их в кепку. А девочкам и того удобнее – набирать их в подол. Ели их сырыми, сушили и даже варили.

И все же, несмотря ни на какие бедствия, обрушившиеся на народ, дети росли, молодые влюблялись, жизнь продолжалась. Зимой, по первому льду, в своем детстве тетя Надя бежала на протоку и ложилась на лед. Там, под прозрачным речным стеклом удивительный мир открывается глазу: плавают мальки, пиявки, водяные жуки, водоросли шевелятся, колеблемые течением. Мальчишки в эту долгожданную пору хорошо ловят рыбу на лесу из конского волоса, а на ней, за неимением крючка, привязаны голые гвозди, загнутые крючком. Зацепитесь малолетнему рыбаку метровая щучища, сразу не поймешь – кто кого поймал, он – щуку или она его. Тягаются друг с дружкой у парной проруби. Фуфайчонка у него по локти мокрая, руки изрезаны леской до крови, плачет он, но не сдается. Хорошо, если старшие ребята помогут. Наконец, зубастая рыбина на льду, выгибается дугой, мощно бьет хвостом, словно у нее внутри стальная пружина. А когда она выдохнется, просунет мальчишка под рубиновые жабры через зубастую пасть гибкую тальниковую ветку, сломанную тут же, у протоки. С трудом приподнимет к плечу темно-зеленую хозяйку речной заводи и зашагает домой счастливый казачок, юный кормилец, подметая дорогу щучьим хвостом.

Четыре ровных улицы идут вдоль протоки Иртыша да шесть переулков поперек разделяют на ровные части весь Чистый Яр. По весне, когда ростепель сгоняет снега со всего побережья, на просторных чистоярских улицах полно ребятни. Все играют. Мячей покупных нет, но ребяташки еще зимой накатали из коровьей шерсти мячей – не хуже заводских. В «лапту», «баталки», «городки», «прятки» играют. В игре, которая называлась «битьбежа», нужно было попасть мячиком в другого игрока и убежать, чтобы не попали в тебя. Игра «круговой» напоминает современные «выбивалы», только вместо прямоугольного поля большой круг. В нем стоят игроки одной команды, а игроки другой попадают в них мячом. А летом, когда пересыхала вода в Сухой речке, чистоярцы играли вместе с сарабельскими ребяташками в чистом песчаном русле. Тут хороша командная игра «самураи»: можно так запрятаться от ребят из соседней деревни, что за день не отыщут, не поймают. В «женилках» подростки становятся друг напротив друга, парни напротив девушек. Парень выбирает понравившуюся ему девушку, касается ее рукой и убегает. Она должна его поймать. И наоборот. Три вековых тополя на крутом склоне с сарабельской стороны будут мирно наблюдать за играми ребят, весело шумя крепкой листвой. Они дождутся, когда дети вырастут и многие чистоярцы возьмут себе в жены невест из Сарабели, а сарабельцы женятся на чистоярских невестах.

Интересно рассказывала тетя Надя о том, как они колядовали в Чистом Яре. – «Славили» ходили по селу. Нарядимся, кто во что горазд, кто шубу вывернет наизнанку, а кто просто лицо разукрасит. Идем по домам, стучимся, заходим и с порога поем: «Сею, вею, повеваю, с Рождеством поздравляю! Здрaвы будьте, хозяин с хозяйшкoй!» У всех в карманах зерно натолкано, горстями рассыпаем на пол. Угощают нас, а то и денежку дадут. Весело. Как-то заходили к Бунеихе, бабке Пелагее, зерна сыпали. А у нее внизу, у русской печи, рядом с загнеткой, куры закрыты. Тепленько им там зимой. Она, чтобы добро не переводить, кур выпустит. Они ходят, зернышки клюют, чистенько все подметут.

О прабабушке моей Катерине Ильиничне в рассказах тети Нади сохранилось несколько интересных эпизодов. Она упоминала, что ей от бабушки осталася

какая-то тетрадь с магическими заговорами, которую в нашем роду тайно передавали по наследству из поколения в поколение. С этими заговорами связано несколько отдельных историй.

Однажды моя бабушка Анна, будучи еще молодой снохой, засобиравалась вечером встречать корову. Корову ту первый день как отдали в стадо, и бабушка боялась, что она потеряется. Увидев беспокойство на лице своей снохи по столь ничтожному поводу, ее свекровка, моя прабабка Катерина Ильинична успокоила: «Подожди, сама придет». Говоря это, она взяла топор и три раза ударила по чурке. Тут же корова откликнулась, мычит, у ворот стоит.

Говорили, что Катерина Ильинична очень трепетно относилась к словам, зная наверняка, какая могучая сила скрыта внутри каждого слова. Строго-настрога запрещала проклинать кого-нибудь.

Многих лечила и сестра ее – бабушка Бутрина в Чистом Яре и его округе. Моя мама рассказывала, что Клавдия Ильинична сначала старшего брата моего Володю, когда он был младенцем, а потом и меня выносила на вечернюю зорьку перед сном, чтобы мы хорошо спали. Читала над нами:

– Зорька-Зорюшка, у тебя есть внучка – Сонюшка. Ей всю ночь буйные ветры гонять, а рабу божьему младенцу Владимиру спать.

О бабушке своей Катерине Ильиничне тетя Надя говорит: «Много всяких прибауток и сказочек знала. Облепят ее ребятишки, как наседку, и слушают».

Прабабушка моя Катерина в войну говорила родственникам: «Мне б умереть, пока Гриша не пришел, а то у меня житья от него не будет...» Чувствовала что-то, видела насквозь, знала наперед... Умерла Катерина Ильинична 9 февраля 1943 года. Тетя Надя рассказывала, что и после смерти приходила прабабушка домой: «Плохого ничего не делала, только гладила ребятишек по голове да стояла у окна – на луну смотрела». Детям была отведена одна кровать, к ней приставлен низенький стол. Впятером они спали поперек кровати, дружно прижавшись друг к дружке. Однажды ночью проснулся дядя Саша и увидел свою умершую бабу, стоящую возле окна. От страха у него на какое-то время отнялся язык.

Тете Наде, старшей дочери, пришлось нянчиться со своими младшими братьями и сестрами. Потому и звали ее нянькой. Дядю Сашу с детства все звали Лёлькой. И это прозвище так прижилось в нашей родне, что заметно оттеснило настоящее имя. Это высказывание пояснит следующий диалог моей тети Надежды Григорьевны со своей матерью Анной Сергеевной:

– Во Сашка наш вытворил...

– Какой Сашка? – спрашивает мать.

– Наш!

– Не знаю про кого ты...

– Да Лёля!

– А! Ну, так бы сразу и сказала.

Дядя Саша был большой выдумщик, вечно что-нибудь придумывал эдакое. Раз напоил петуха допьяна, когда уже жили в Ново-Тимофеевке. Так этот петух возненавидел дядю Сашу, и как только он появлялся, кидался на него со всего маху и клевал.

Еще моя тетушка рассказывала:

– В войну сильно обмелел Иртыш. От Семипалатинска до Батов пять суток шли черепашим шагом пароходы. Телепают помаленьку – «хлоп-хлоп, хлоп-хлоп».

Тогда ходили «Мичурин», «Киров», «Роза Люксембург», «Алтай». Вилючий Иртыш в наших местах. На мель сядет пароход, гудит-орет на всю округу. Буксир за ним поспешает...

В 1943 году мало было дождей, земля лежала в трещинах. Кто-то из стариков сказал, что нужна крепкая соборная молитва. Поддержали его и в соседнем селе. Вытащили редкие сохранившиеся иконки, принарядились, как смогли, и пошли всем миром, двумя селами в местечко Кресты, или, как его еще у нас называют «У Креста», более десяти верст от Чистого Яра. Когда обнаружили это необычное место, никто уже не помнит. Одни говорят, что треснувшая скала образовала православный крест правильной формы, другие – будто он был сделан человеческими руками. Тете Наде в ту пору было неполных двенадцать лет, и потому она хорошо запомнила этот крестный ход, где стар и млад шли с песнопениями и молитвами. Два села, два вечных склочных соседа, дружно шли вместе, как когда-то, еще до великого разлома, до страшной братоубийственной войны. Как и тогда, под сводами единственного на два села чистоярского храма, в праздники примирявшего буйных соседей, так и через двадцать пять лет они соединились в этом православном шествии. Все же вымолили люди долгожданный дождь, под который попали уже на обратном пути.

Тетя Вера, что родилась следом за отцом через два года, имела врожденный дефект – одна нога у нее была заметно короче другой. Может, это какое-то наказание, но такой врожденный недостаток вот уже третье поколение преследует мою родню. Причем в разных семьях и только среди женщин, по одной в поколении.

Когда закончилась война, тете Вере было шесть лет. Мимо Чистого Яра шли с войны домой солдаты. Им навстречу «утицей чикиляла» хромая девочка. Она всматривалась в лица проходящих солдат, стараясь угадать родного отца, которого она не могла помнить, потому что была младенцем, когда он ушел, и спрашивала у каждого:

– А Вы не видели моего папку?

Солдаты всегда улыбались девочке и говорили, что не видели, но что он обязательно вернется. Еще несколько месяцев она ждала своего драгоценного «папку». И все-таки наступил тот великий, необыкновенно счастливый момент, когда он вернулся. Щупленький, сухой, небольшого роста, с седоватым волосом – не красавец, но зато самый настоящий живой отец.

КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ

Мой дед, по словам моей тети Надежды Григорьевны, «пришел с войны не пустой, какой-то товар на брюки привез, был в форме – шинель и прочая амуниция, да еще, кроме того, одежда была у него хорошая...»

Григорий Михайлович участвовал в войне с Японией. Тетя Надя наизусть запомнила адрес, который стоял на письмах, пришедших от отца. Она продиктовала его мне на память, будучи уже восьмидесятилетней бабушкой, это через шестьдесят семь лет после войны! Какова память! Там было написано: «Малая Земля. Полевая почта 2600». Возвращаясь с Дальнего Востока домой, он по пути навестил родню в Покровке под Новосибирском, своих двоюродных сестер.

В Чистый Яр дед Григорий приплыл на пароходе. Дело было осенью. Надежде шел четырнадцатый год. Она работала на улице. Увидев пароход – словно почувствовала: «Это наш папка едет». И точно, на том самом пароходе приехал мой дед.

У деда были медали. Я сам видел их, когда приезжал вместе с отцом в гости в Алма-Ату. Он подарил мне знак сапера. О дедовых медалях тетя Надя рассказала смешную историю. Как-то раз дед приехал на родину из Алма-Аты «при полном параде». Увидев блестящие медали на дедовой груди, четырехлетняя девочка Байбазарова Алия обратилась к своей матери с просьбой, чтобы она попросила у ветерана «брошку», и показала пальцем на медаль...

По словам тети Нади, мой дед прекрасно знал азбуку Морзе. И еще хорошо умел считать. Надежда Григорьевна вспоминает: «Хоть отец и неграмотный был, а математику знал хорошо. Считал по-своему, на руку смотрит – пальцы оглядывает, потом сразу результат говорит, быстро и верно. Он в МТС кладовщиком работал, запчасти и горячее... Отчеты делал».

Но самое светлое и самое теплое воспоминание об отце, по словам тети Нади, было о том, когда наступал вечер и дед «заводил сказку». Он их знал уйму, сам сочинял. Одна сказка могла длиться целую неделю. Это семейное таинство моя тетушка описывает так: «Только улягутся дети и родители, дети просят: «Папка, сказку!» И начинает отец сказывать. Интересно рассказывал, чудно! Там ведьмы и колдуны, быки летали по небу... Одному быку вспороли пузо, а там золото... Одни уже спят, другие слушают. Вечером закончит сказку, назавтра опять же ее продолжает с того места, на котором остановился. Откуда брал...»

Одним из гостинцев, привезенных домой с войны дедом Григорием, был кусок какого-то военного кабеля. Стоило ли эту тяжеленную вещь тащить на себе с другого конца света? Кто его знает. Не найдя ему применения в хозяйстве, а, может быть, так было задумано дедом изначально, но вскоре он решил распустить этот кабель на струны. В доме никакого музыкального инструмента никогда не водилось, да и никто играть на них не умел. И не на что купить было, да и незачем иметь, потому что никто из детей не перенял у своей матери умения хорошо петь.

Моему отцу шел девятый год. В избе с земляным полом и замороженными окнами, поперек кровати спало пятеро детей, вытянув ноги на подставленный низенький стол. В другой комнате спала их мать. А мой отец, сидя за столом, помогал своему отцу распустать кабель. Солдатская кружка, приспособленная под жировик, стояла в центре стола. В печь подбрасывали камыш, подкармливая им прожорливое пламя. На том огне мой дед обжигал кабель. В доме стоял густой запах от сжигаемого покрытия. А мой отец сворачивал в кольца струны, полученные таким способом.

– В самый раз на балалайку будут, – говорил мой дед.

Легли поздно. А когда в окна стала проклевываться розоватая зорька, дед с моим отцом, наскоро перекусив, отправились на ту сторону Иртыша, в Свинчатку. Дед в шинели, насквозь пропахшей войной. И рядом с ним мальчонка – мой отец в фуфайке, подпоясанный бечевкой. Километров семь-восемь до места. Там, на базарчике, чего только нет. Ведра, седла, цепи, коромысла, сбруи, санки самодельные. Молоко в бидонах, сметана, соленья в банках, домашняя колбаса с кровью, тетради в линейку и в клетку, кролики в клетках – глаза у мальчишки разбегаются. На краю базарчика – часы с кукушкой. Зачарованный механизмом

часов, он попытался их потрогать. Захрубустела цепь, закричала кукушка, мальчишка юркнул в сторону, чтобы не сломать драгоценную вещь. Ходят на пару с моим дедом, предлагают свой бросовый товар, только струны даром никому не нужны. Тут такие крепкие люди выложили свой дорогой товар на прилавки в своем калачном ряду, куда уж нам со своим добром. Идет мой худенький батяка между рядами, замерз, пар от дыхания куржаком на ресницах и на шапчонке ложится. Палец, на который навешаны кольца струн, посинел и не гнется уже. Пожалел мальчишку чужой сердобольный человек, по всему видать, из фронтовиков. Подозвал мальчишку: «Давай меняться». Целых четыре чистых тетради выменял на струны мой отец. Да еще молока крынку налил ему фронтовик, хлебца отломил зажаристую краюшку. Напился батя мой молочка, придавил хлебушком сверху и рад радехонек счастью своему. Тянется он к учебе, пишет уроки на газетной бумаге между печатных строк, как и большинство его сверстников. Редко у кого тетради чистые есть. А теперь и он разбогател. Похвалился своим счастьем перед отцом, сунул тетради за пазуху, крепко подвязал пояс бечевой, и тронулись в обратный путь. Дело уже к вечеру, ранние зимой сумерки. Ладонями драгоценные тетрадки к животу прижимает. Замерзли руки, не чувят ничего. Ночь за ними бежит по пятам от Свинчатки. Торопятся, идут отец с сыном по узкой тропе. Уже за Иртышом сунул мальчишка ледяную руку под фуфайку, под рубашонку, да чуть не обмер с горя – потерялись тетрадки. Где их теперь найдешь? Темнота. Поземка замечает горячие следы. Не раз вспоминал отец про тот случай.

НА СВИНЧАТСКОМ РУДНИКЕ

Это был стратегический рудник. Просуществовав всего несколько лет, рудник был закрыт в год испытания первой ядерной бомбы – в 1949 году.

Придя с войны, мой дед сразу же устроился работать на этот рудник. Участок, где он работал, назывался «Канайка», в честь небольшого аула, находящегося здесь же, неподалеку, на правом берегу Иртыша напротив Сарабели. Вместе с отцом работала и тетя Надя. Ей к той поре уже исполнилось шестнадцать лет.

Летом рабочие переплывали на другой берег на лодках, которые нужно было еще с вечера приготовить. Выплывали на час раньше. Течение на Иртыше быстрое. Проплыть нужно было три-четыре километра по реке, и еще пару верст идти пешком. В то время подругой моей тети была восемнадцатилетняя Колесникова Нина, с которой они вместе работали. А чтобы в пути по реке не было страшно, девчонки пели песни. Работа на руднике была тяжелая, ручная, по восемь часов стояли в воде в резиновых сапогах. По три человека в забое: один сверху и две бутаристки внизу – старшая и младшая. По деревянным желобкам вдоль канавы вода из горной речки подавалась к бутарам. От забоя до бутар было около 500 метров. На желобках для регулировки потока воды стояли задвижки. Вода падала с высоты десяти-пятнадцати метров, вымывая металл из песка, который подвозили к бутарам забойщики в деревянных круглых тачках на конях. Мокрый песок лопатами закидывали в бутары и мыли его железными скребками (под вид тяпки), удерживая этими же скребками металл. Один человек регулировал сверху подачу воды. Работали в три смены: с 6 утра до 14 часов, с 14 до 22 часов и с 22 до 6 утра. Было четыре бутары основных и одна штрафная, где и половины

нормы невозможно было намыть. Работало в смену десять бутаристок, четыре забойщика и два-три возчика на конях. Дед и моя тетя работали на одном забое и намывали всегда больше всех. Бригадир посчитал, что это из-за того, что дед Григорий привозит хороший песок, и направил Надежду на штрафную бутару, что стояла в отдалении. Нужно было доказать, что дело вовсе не в песке, а в хорошей работе. И доказали, снова намыв больше всех. В Больше-Нарымской газете о них печатали, как о передовиках.

Питались рабочие хлебом, который приносили из дома. Во время перерыва они садились у тех же бутар и ели хлеб, запивая его горной водой. Тетушка рассказала о небольшом курьеze, произошедшем на штрафной бутаре. Стояла жара, и младшая бутаристка Нина хотела искупаться под ручьем, падающим с высоты. Струей девушку полностью раздело, и увидевший ее забойщик весело рассмеялся.

Зимой работало всего две бутары. Застывший песок отогревали кострами из камыша, чтобы он растаивал, а после – мыли его в закрытых забоях. К месту работы добирались пешком, как только на Иртыше устанавливался лед. По первому льду шли люди цепочкой друг за другом, чтобы если кто-нибудь провалится под лед, то можно было бы ему помочь. И однажды такой случай был. Четверяков Степан, шедший первым, ушел в воду по грудь. Его сразу же вытащили. Спасли.

Начиная с первых осенних холодов по всему Прииртышью бродили стаи волков, по словам моей тети – «кишмя кишели». И потому по всей дороге до забоя песни не пели, а «орали», думая, что волки испугаются шума и не тронут, побоятся. Однажды по осени кто-то поджег копешку соломы, и догорающий пепел слегка краснел в темноте. Увидев огоньки, ребята и девчонки остановились. Кто-то сказал, что это волк – вон как глаза горят! Степан Четверяков взял палку, подкрался к дотлевающей золе и ударил по ней с возгласом: «Ах ты, крохобор чертов!» Искры разлетелись в стороны, напугав девчонок, а после они со смехом вспоминали, как отважный парень воевал с каким-то «крохобором».

Металл, добываемый на свинчатском руднике, представлял собой темноватые мизерные песчинки цвета перегоревшего шлака. Очень тяжелый металл – щепотка ощутимо чувствовалась в руке. Добытый по крупицам в бутарах, этот металл набирали в плотные мешочки по три килограмма. На них вешали досточку с печатью. За металлом приезжала грузовая, крытая брезентом, машина. Приемщица и два человека конвоя были одеты в плотную защитную одежду.

С тех пор как мои родственники стали работать на руднике, в семье Комовых установился небольшой, но стабильный достаток. За работу им платили бонами. Отоваривались эти боны в магазинах села Свинчатки, где было все, чего не купишь на обычные рубли. Лишь перед закрытием рудника стали платить обычными рублями. Тетя Надя денег почти не видела, потому что за нее их получал мой дед. Но именно то время она вспоминает с удовольствием. Несмотря на усталость, они ходили в клуб и плясали там до двенадцати часов ночи. А спозаранок уже шли на работу.

Однажды летом после очередной зарплаты тетя Надя со своей подружкой решили съездить в поселок Баты за обувью. Ветеран войны, орденоносец, батинский дед по фамилии Бабак, худощавый, остроносый, с вечно дымящейся сигаркой во рту, встретил молодых девчонок с улыбкой: «Таким красивым девчонкам найду

боты». Нашел. Резиновые боты выше щиколоток, да еще и блестят. Пришли в деревню, а все накинудись, спрашивают: «Где такие красивые боты взяли?» Так, без чулок, прямо на босу ногу, в этих резиновых башмаках они и ходили в клуб на танцы. Как мало людям нужно было для счастья!

ПЕРЕД ЗАТОПЛЕНИЕМ

После войны председателем колхоза имени Калинина в Чистом Яре стал Бунеев Егор. Жили они богато. У них у первых появился штакетник возле дома и самый первый велосипед.

До самого возникновения Бухтарминского водохранилища в Сарабели не было света, были лишь керосиновые лампы, жирники и прочее примитивное освещение. Школа была только четырехлетняя. С пятого по седьмой класс дети обучались в Чистом Яре. С восьмого по десятый – в Самарке или Батах, самом мощном селе в округе. Чистый Яр был в ту пору «крепким середнячком» среди сел. Здесь работал «дизель» – дизельная электростанция – и подавал свет в цеха МТС. Днем в село света не давали, а только вечером и до двенадцати часов ночи, когда глушили дизель. А позже, когда в селе стало работать две дизельные станции, свет стали давать людям и днем. В домах повсеместно появились электрические лампочки. Но сельчане топили печи и готовили на них. О газе тогда представления не имели. Электроплит и холодильников не знали. Только у некоторых были электроутюги. Были сетевые приемники АРЗ, ламповые – «Рекорд-52» (или «53»), радиоприемник «Москвич».

Но эта роскошь была лишь у некоторых сельчан, позажиточней. А в основном народ жил более чем скромно. Прибавкой к небогатому столу служила рыба, а порой удачно пойманная на охоте добыча. Будучи подростком, мой младший дядька Григорий стал в семье хорошим добытчиком, пешком исходил ближайший хребет Алтая. Тетя Надя о нем рассказывает: «Гриша хороший охотник был, везло ему. Обвешается всякой птицей битой, там – чирки, что ли? Маленькие, вкусные, жирные такие... Как Сашку возьмет – удачи нет. Так они с другом Прониным Витей Сашку не брали, везенья с ним не было...»

Однажды мой отец наткнулся на волчье логово, идя вверх по Сухой речке к Акчуке. В узком месте, в зарослях у отвесных скал, под козырьком, он увидел щенят, у которых уши стояли торчком. Пришел в деревню, рассказал. Сын председателя, Бунеев Виктор, попросил показать логово. Когда они с отцом пришли на то место, то волчат уже не было – волчица, учуяв запах человека, увела детенышей в другое место.

Сколько себя помнит мой отец, он все время ходил на рыбалку. Ставил мордушку, сплетенную из лозы. Проверял каждый день, независимо от погоды. Хоть на уху да ловил рыбы. У Столяровых всегда стоял вентерь, связанный из прочных ниток, который надежнее и лучше мордушки. Михаил Иванович Столяров, по рассказам односельчан, очень метко стрелял из ружья. Бывало даже, что утка падала в лодку или рядом, оставалось только нагнуться, чтобы поднять. Со Столяровыми моих родителей свяжут долгие годы дружбы, совместных праздников с песнями, теплых близких отношений до самой старости. Вместе с Михаилом Ивановичем мой отец частенько рыбачил. А однажды ему приснился сон, будто

собаку несло на льдине мимо Белых Камушков, и он спас ее. На следующий день в Трушниках, когда ставили сети, дядя Миша провалился под лед. Отец стал его вытаскивать и чуть сам не ушел под воду, но все же помог другу выкарабкаться наверх. Потом они вышли на берег, плеснули бензина в ведро и сделали факел, чтобы просушиться. После такого ледяного «купания», по словам отца, у дяди Миши «даже насморка не было».

В 1948 году дядю Сашу, старшего брата моего отца, забрали в армию. Он пошел служить на Тихоокеанский флот на долгих пять с половиной лет. Дважды он приходил в отпуск, привозил подарки матери и сестре Надежде: штапельные отрезы на платье, тогда штапель был в моде. Дядя Саша прослужил на полгода больше положенного срока из-за того, что корабль попал в какую-то ледяную блокаду. Вернувшись домой, видный лицом паренек пользовался популярностью у слабого пола. Бравый морячок, после пяти лет службы, нередко прикладывался к вину. Может быть, тогда он и пристрастился к выпивке. Всю жизнь Лёля будет постепенно спиваться на глазах у всей родни, которая не в силах будет ему помочь. В конце концов именно пьянство станет причиной многочисленных бед его семьи и его самого приведет к гибели.

В том же 1948 году на свет появляется моя последняя тетка Галина. А вслед за ней – мальчик, последыш, которого назовут Борисом. Тетя Надя рассказывала, что родился он шестипалым: «Пальчик не пальчик, навроде как кругленький шнурочек висит на каждой руке, и жилка туда шла, ноготочки кругленькие на тех пальчиках. Шибко был похож на отца. Самый маленький. Ребятишки играли на печке, барахтались, а Бориска не удержался и свалился вниз. В кипяток упал с печки. На плите стояла большая кастрюля, в нее и угодил мальчишечка. Помер. Сильно отец по нему плакал. После смерти все ходил Бориска к матери, и та его грудью кормила. Лечить ее пришлось. Окна закрывали. Каждый вечер поджидала мать его. А он на темную приходил. Никто не видел, как придет, как уйдет. Исхудала она, пока не отвадили Бориску домой ходить. Перед смертью, помнится, молоточком колотил досточки, вроде гробик себе мастерил...»

Их чистоярский домик, по словам родни, на некоторое время стал прибежищем нечистой силы. Богатое, видать, наследство осталось от моей прабабки, не успела она перед смертью распустить своих помощников на все четыре стороны. Маялись от безделья домовою и вся его родня. Отцу, которому в ту пору было лет десять, ночами мешал спать какой-то «барабашка», сдавливал ему грудь. Узнав о непочтительном поведении домового, пришла в гости Клавдия Ильинична, младшая сестра покойной отцовой бабки. Она попросила, чтобы отец снял с себя ночную рубашку, вывернула ее наизнанку и повесила на дверь. Что она при этом говорила, никто не знает, только с той поры отец стал спать спокойно. Верно сказано: «Как бабки отшептали». Сходятся о том времени рассказы дяди Гриши, который в ту пору был ребенком лет шести, и рассказы тети Нади, которая была уже девушкой. Она рассказывала: «Среди ночи откуда-то из стены появлялась волчица и начинала выть. Выползала змея, а потом исчезала. Выбегала собака с целым выводком, штук до семи, и прыгали один за другим прямо в печь, там исчезая. В селе не верили этому. Один раз пустили сельских смельчаков в дом посмотреть на такую невидаль, постелили им солому под кровать. То были Паша Портнов, Миша Сошнев и Курочкин Паша, все они уже покойные, не к ночи помянутые... А ночью, увидев все своими глазами, они босиком по снегу домой убежали».

Были в селе и другие места, где творилось «неладное». Один раз, играя в прятки, дядя Гриша, будучи мальчишкой, спрятался в чужой сарай. Осмотревшись в полутемном помещении, он обнаружил куриную кладку. Протянул руку к яйцу, взялся за него, а руку поднять не может, словно прирос к нему. Вскоре в проеме дверей показалась старушка. Подошла к нему и спросила: «Что, милок, яичко тяжелое? Отпусти его да иди себе с Богом. И чужого впредь не бери». Отпустил – и пошел. А чужого ни мой отец, ни мой любимый дядя Гриша вовек не брали. Это им по крови передалось от своего отца.

Мой отец, Алексей Григорьевич Комов, всегда хорошо учился. У него была огромная тяга к знаниям. Подростком он стал увлекаться радиотехникой. Начал с какого-то простого радио, которое сделал из бутылки, обмотав ее проволокой. Дальше – все сложнее. Доставал книги по радиodelу, увлеченно читал их, как романы. Мне до сих пор не понять, как можно с увлечением читать техническую литературу! Как всякий неисправимый гуманитарий, я с восхищением смотрю на «техников» – не потому, что завидую, а потому, что мне никогда не сумею сделать то, что могут делать они. Это совершенно другой, неподвластный мне и необъяснимый мир. Мне этого не дано. Все эти диоды, триоды, лампы накаливания, лампы развертки... В памяти так и остался словесный багаж чужого мне мира. Моя попытка пойти по стопам отца закончилась разочарованием. Я всегда с глубоким уважением относился к своему отцу за то, что он нашел свое призвание и сумел стать непревзойденным в наших местах теле- и радиомастером. Он был способен исправить любую неполадку черно-белого или цветного лампового телевизора и любой радиоаппаратуры, которую везли к нему со всех окрестных сел. И еще спасибо ему за то, что он никогда не заставлял меня заниматься этим, чужим мне, делом.

Закончив семь классов, отец поехал поступать в техникум в Алма-Ату. А так как дело было в августе, то на экзамены он опоздал, и поэтому пошел в восьмой класс, в 24-ю школу по улице Гоголя. Жил он у родни – у Полетаевых. Там, в 1954 году отец собрал свой первый детекторный приемник, который выставили на всеобщий обзор и изучали его устройство в двух школах – в 24-й, где учился отец, и в соседней – 16-й школе. Но через год отец вернулся обратно в Чистый Яр и поступил в свинчатский сельхозтехникум. Правда, там принимали к обучению на базе семи классов, и поэтому год, проведенный за школьной партией восьмого класса, был потерян. Единственный плюс – ему в первый год было легко учиться, потому что этот курс он уже прошел в школе. В техникуме, так же, как и в алмаатинской школе, отца избирают старостой группы и секретарем комсомольской организации. Отец с улыбкой вспоминает преподавателя ремонтного дела сельхозмашин Комлева Александра Ивановича, который, бывало, подходил к отцу и говорил: «У меня сегодня гости. Сделай так, чтобы никого в классе не было». И студенты, к своему удовольствию, тихо расходились.

Свинчатка в ту пору была оживленной деревней. Находилась она близко от Чистого Яра. Днем отец учился, а ночами просиживал за любимыми книжками, увлеченно читая книги по радиотехнике. Однажды достал какую-то ценную книгу, которую дали почитать только до утра. К утру он законспектировал основную суть из 600 страниц технического текста!

Как и большинство студентов той поры, отец жил впроголодь. Чтобы как-то выживать, он предлагает в Свинчатке свои услуги по ремонту радио. Делает умело и качественно. Скоро о нем узнают во всей округе. Единственное, что

мешает отцу в этом деле, это его природная стеснительность, неумение спросить оплату за собственный труд. Именно по этой причине с ним стал ходить еще один «мастер», его товарищ по комнате. Правда, это был мастер совершенно другого плана. Он ничего не соображал в аппаратуре, но мастерски мог потребовать со счастливого обладателя радио достойную оплату за ремонт. Бидоны молока, булки хлеба и другое пропитание честно делилось на всех живущих в комнате общежития. От той поры сохранились фотографии отца. На них лицо отца задумчивое, щеки впалые, отчего он кажется скуластым. Одежда мешком висит на худом теле. В Свинчатке будут помнить о моем отце и через тридцать лет, еще в восьмидесятых годах ему будут привозить зимой, по льду через Бухтарму, свою сломанную технику на ремонт.

Вскоре после окончания техникума, который перевели из Свинчатки в Усть-Каменогорск на Аблакетку, отец оказывается на строительстве автодороги. В 1954 году он с теодолитом в руках несколько раз пройдет пешком участок строящейся дороги от Миролобовского поворота через Чистый Яр до Васильевки, составляющий больше пятидесяти километров. Этот участок строила Ленинградская экспедиция. Лопатами, на быках и лошадях, запряженных в таратайки, кремневое поколение моих родителей построило эту дорогу в наикратчайший срок. Два участка этой уникальной трассы и после затопления территории Бухтарминским водохранилищем осталось в районе Ново-Тимофеевки. Один из них называют Старой трассой.

В конце пятидесятых годов в Чистый Яр по распределению после медицинского училища попадает моя мама Постоногова Анна Ивановна. В январе 1961 года она выходит замуж за моего отца. А 18 октября того же года рождается мой старший брат Владимир. Он родится уже на новом месте, на берегу Бухтарминского водохранилища, в селе Ново-Тимофеевка, после затопления нашего Прииртышья. Это уже будет новый период в истории моего края.

БАТЫ. ДОКТОР ИЗ МОСКВЫ

В 1959 году в числе двадцатипяти тысячников врача Тамару Павловну Чистякову направляют из Москвы в поселок Баты, за три тысячи километров от столицы. Интеллигентная женщина, много лет прожившая в Москве, она впервые оказалась в Азии. Родилась Тамара Павловна в Загорске Московской области 4 декабря 1915 года. С 1936 года трудилась медсестрой. На фронт она ушла в первые дни войны, ей было 26 лет. Имела пулевое ранение с повреждением позвоночника. В годы войны была награждена медалями «За отвагу» и «Отличник санитарной обороны». После войны Тамара Павловна окончила Московский медицинский институт имени Семашко, а вскоре оказалась в Восточном Казахстане.

К тому времени Баты превратился в крупный оживленный поселок. Самарка, ставшая впоследствии районным центром, в ту пору была развита слабо. Вскоре после войны в Батах был построен первый аэропорт (второй – гораздо позже построили в Самарке). В этом поселке на Иртыше стояла крупная пристань, где причаливали пассажирские пароходы, баржи, буксиры. Горы угля лежали возле пристани. Была даже своя ТЭЦ, которая кроме своих потребителей снабжала электричеством поселок Палатцы, удаленный от Иртыша километров на пятнадцать.

Электричество поступало даже за Иртыш, через горы, в соседний Курчумский район, в село Чердоjak. И в ту и в другую стороны тянулись линии по десять киловатт. В Батах находились нефтебаза, маслозавод и богатые по тем временам магазины организации «Казолово». Через поселок Баты проходила трасса Восточное кольцо, делая его доступным с суши. Это был оживленный узел, через который шло огромное количество всеразличного товара и ресурсов. Благодаря удобному месторасположению, здесь устраивается центральное зернохранилище. На местных полях выращивают рожь, пшеницу, овес, просо. Вдоль Иртыша хорошие покосы. На целинной песчаной земле хорошо растет арбуз. Здесь ежегодно отводили только под эту культуру около ста гектаров земель. Особенно хорошие арбузы росли на Ашинском увале. Поля у Ананьевки (ныне Песчанка), ранее принадлежавшие церкви, тоже сплошь отводились под арбузы. Их сеяли рано, когда еще клочками лежал снег на полях. Полосы отделялись друг от друга, чтобы они не опылялись. А какие сорта! Полосатые арбузы – «Любимец хутора Пятигорска» и «Король-Куба». Черные – «Десертный» и «Туман лысый». Белый арбуз «Волжский позднеспелый» с толстой шкурой двух видов – продолговатый и круглый. Рябой арбуз «Мелитопольский». Арбуз «Американский» с красными семечками. На речке Каинде стоял комбайн, в котором молотили арбузы на семечки и сдавали их в Усть-Каменогорск в «Сортсеменовощи».

Улицы в Батах, в отличие от Чистого Яра и Сарабели, шли не вдоль Иртыша, а к Иртышу. По этой причине на широких улицах этого поселка разыгравшийся ветер был более опасным, особенно если задувал с Алтая. Весной и осенью он был наиболее сильным, ломал деревья, переворачивал будки, сносил крыши.

В этом селе в конце пятидесятых годов и оказывается доктор Чистякова Тамара Павловна. Искалеченная войной женщина передвигалась с трудом. Прихрамывая и раскачиваясь, она одной рукой, согнутой в локте, держалась за поясицу. Тамара Павловна была поистине неординарным человеком с могучим характером. С войны привыкшая к дисциплине и самопожертвованию, она была предельно требовательна к себе. О ней рассказывали такой случай. В то время она была единственным врачом на все окрестные села и аулы. Как-то по весне из аула Кулажурга, что находился на другом берегу Иртыша, в Баты пришел посланец и сообщил, что в его ауле свирепствует эпидемия. Лед на могучей реке уже ослаб и не мог выдержать лошадь с санями. Отчаянная женщина пошла пешком на другой берег в тот аул. Долго были видны два силуэта на потемневшем льду: маленький – проводника и высокий, с раскачивающейся походкой, силуэт врача. И вдруг пошел лед. Зашумел, освобождаясь ото льда, могучий Иртыш. Застигнутая врасплох, она каким-то чудом добралась остаток пути по льдинам на тот берег. Проведя вакцинацию, Тамара Павловна вынуждена была делать большой крюк, чтобы вернуться домой через переправу.

После затопления сел Бухтарминским водохранилищем Тамара Павловна стала главврачом в селе Ново-Тимофеевка. Моя мама долгие годы работала медсестрой под руководством этой замечательной женщины.

Окончание следует.

